

Николай Витем

**Ничего важнее нет,
когда приходит
к человеку человек**

Николай Витем

**Ничего важнее нет, когда
приходит к человеку человек**

«Моя Строка»

2020

Витем Н.

Ничего важнее нет, когда приходит к человеку человек /
Н. Витем — «Моя Строка», 2020

ISBN 978-5-996512-16-4

Иван уговаривает жену уехать в деревню, пока в город не вошли немцы. Поля отказывается. Война далеко. Когда на город посыпались бомбы, стали гибнуть люди, уехала в деревню с тремя малолетними детьми и беременной четвёртым. Родила сына. Деревня подверглась бомбёжке и обстрелу. Танковый снаряд попадает в окно, под которым стояла качка с ребёнком. Дом разрушен. На постой вошла хозяйственная группа немцев. Работа в немецком колхозе под грохот канонады сражений и ожидания освобождения. Идут бои. Подруга Поли влюбляется в немца, регистрирует брак. Поля едет в Вязьму крестить сына и узнает, что её городской дом при бомбёжке разрушен. Иван пропал. Отец Поли друг старосты. Староста просит друга поддержать у себя немецкую печать и бланки. Город и деревню освобождают. Отца Поли, как пособника фашистов, расстреливают. Подругу арестовывают и судят, ребенок рождается мертвым. Поля с четырьмя детьми и слегшей в постель матерью, остается без средств существования.

ISBN 978-5-996512-16-4

© Витем Н., 2020

© Моя Строка, 2020

Содержание

1. Что было, то было	6
2. Начало беды	19
3. Ожидание	26
4. Перед отправкой на войну	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Витем
Ничего важнее нет,
когда приходит к человеку человек

*Все человек теряет с годами.
И только одна глупость
Никогда не покидает людей.
Лудовико Ариосто – итальянский поэт*

1. Что было, то было

Над забором из ржавой колючей проволоки, провисающей между столбами из старых шпал, возвышается шапка наплавленного за зиму ледника, покрытого толстым слоем опилок, предохраняющих лёд от таяния в летнее время.

На дворе август, жарко, на частных участках чернеют созревшие плоды лип. Упрямое солнце нагрело опилки – лёд, подтаяв, смочил их, отчего опилки выглядят серовато – грязными.

Перерабатывающие предприятия, работающие на животноводческом сырье из ближайших колхозов, в режиме особой пятилетки нарастили объёмы мясомолочной продукции, но ни мяса, ни колбасы, ни молочных продуктов даже при солнечном ярком свете на прилавках магазинов не найдёшь – Вязьме не повезло с географическим положением.

Продукты переработки поступают на склады товарной станции, расположенной между вокзалом и ледником. Объёмные склады выполнены с торцевыми ёмкостями, доверху набитыми льдом для хранения скоропортящихся продуктов, поэтому внутри холодно – кладовщики и грузчики вынуждены даже в такую жаркую погоду, как сегодня, работать в телогрейках.

Рабочие смены суетятся внутри и снаружи хранилищ. Погрузочно – разгрузочные работы не останавливаются ни на минуту: народ трудится по – ударному без перерыва на обед, праздники и выходные дни – транспорту простаивать нельзя из – за специфики продукции, срок хранения которой ограничен двумя сутками.

Внутри складов разгружают прибывшие машины, а снаружи продукцию загружают в рефрижераторы; комплектуют составы и отправляют в ненасытную утробу Москвы.

Столица, за счёт увеличения численности номенклатурных работников, переведённых из периферии, и коммунистических функционеров из зарубежных государств, разрастается и требует всё больше и больше продуктов. Сколько бы Вязьма не отгружала Москве говядины, свинины, мясных консервов, сметаны, молока..., столице всё мало. Она как монстр всепожирающий требует: давай, давай, ещё, ещё: посылай по плану, гони свехрпланово.

И дают, и гонят! Оставив требуемое количество продукции на складах для поддержания здорового образа жизни советских и партийных сотрудников города, «излишки» отправляют в Москву.

Жители Вязьмы, оставшись без «излишек», выкручиваются, как могут. Интеллигенция, занимающая квартиры в двух—, трёхэтажных домах в центре города, на ухоженных улицах, с обрезанными по осени кронами тополей, отчего те выглядят кладбищенскими крестами, отоваривается мясными и молочными продуктами на чистеньком рынке, недалеко от кирпичного кинотеатра под революционным названием Октябрь.

Рабочие депо, станции железной дороги, путевой части и обслуживающий персонал железной дороги, коротающие век в частных домах окраины Вязьмы, приучены отовариваться на стихийном народном рынке, называемом базаром, расположенным за продовольственным магазином барачного типа.

Здание магазина состоит из двух частей. Большая часть отведена под продовольственные товары, меньшая – под промтовары. В «Продовольственном магазине» имеются мясной, хлебный и бакалейный отделы. В «Промтоварах» продают товары первой необходимости: трусы, носки, майки и прочие тубетейки. Ходят за покупками редко и в случаях, когда бельё и носки штопать бесполезно.

Продовольственные отделы посещают ежедневно, потому и называют магазин «Продовольственный». В продовольственном магазине по счастливым дням можно кое – что прикупить в мясном отделе – например, кости с остатками бывшего мяса, пасшегося когда – то на лугу. Мясо невооружённым глазом сразу не разглядишь, но разбив кости на мелкие части и

круто проварив, получается прекрасный мясной бульон. А на бульоне готовь что хочешь – всё вкусно. Иван Теплов на этом деле поднаторел и научил жену Пелагею Максимовну получать пользу от костей. Вареву из костей и вкусно, и полезно.

– Не засоряет желудок и ночью не пучит, одеяло не поднимается, ноги не мёрзнут, – шутит Иван, добавляя к месту и не к месту:

– Руки стынут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть! – лет ему прилично, но в душе остался мальчишкой.

Кости, по большому счёту, следовало бы выкинуть, или пустить на муку, которую с пользой для набора веса потребляют свиньи и склёвывают куры, а тут пролетариат деповский деньги за них платит и полученный цимус нахваливает.

Продовольственный магазин, прикрывающий своими стенами базар со стороны вокзала, возвышается на пригорке в конце привокзальной площади и, покидая перрон и вокзал, обязательно заглянешь в магазин, хотя бы из любопытства.

Рабочий люд любит магазин и базар не столько из – за более дешёвой, чем в центре, продукции, сколько из – за близости их к месту основной работы и среде проживания.

Выбор продуктов скромный и не претендует на высокое качество, но он вполне удовлетворяет неприхотливых пролетариев.

Выбор места приобретения продуктов обусловлен ещё одним важным фактором – доступностью культурно – массовых заведений и социально значимых пунктов жизнедеятельности. Посещая их, по пути заходишь в магазин.

Вблизи привокзальной площади расположены «гиганты» массовой культуры: клуб маслозавода, клуб Гармоново, клуб железнодорожников, клуб воинской части, вмещающие в кинозалах не более пятидесяти человек, и городской Дом культуры вместимостью двести человек. Никому не придёт в голову добираться автобусом и платить пять копеек за каждую оставшуюся, чтобы добраться до футбольного поля и покатать мяч или посмотреть игру местной команды с футболистами из города Ярцево.

В шаговой доступности от привокзальной площади расположены отделы городских и социальных услуг: пункты продажи керосина и угольный склад, отделение милиции, баня, медицинский пункт, железнодорожная больница.

Вокзальная площадь – место паломничества городского населения.

В конце перрона пристроилась неказистая баня. Она единственная в городе и сюда ходят мыться горожане, солдаты специальной и воинской части.

От вокзальной площади отправляются городские и междугородные автобусы.

Железнодорожный вокзал – место отправления пассажиров по разным направлениям необъятной страны, «огнём и мечом» сделанной советской. Главные направления поездок: Москва – Владивосток, Минск – Прибалтика.

Железнодорожные рабочие, служащие и врачи имеют льготы на проезд в поездах местного и дальнего следования. Один раз в месяц с ребёнком до четырнадцати лет разрешается съездить в Москву и один раз в год – в любой уголок страны. Работающие на железной дороге, станции, транспортном станционном узле, в вагонном депо, а также в железнодорожной больнице стараются в полной мере использовать льготные проездные документы, иначе пропадут.

Иван Теплов, как и все его коллеги по депо, не пропустил ни одной поездки в Москву, по очереди беря с собой то Валу, то Лилу.

Позавтракав в столовой, расположенной сзади здания Белорусского вокзала, кружкой пива с горячими сосисками, накупив в ближайших магазинах по улице Горького различной снеди и вкусностей в виде колбасы и сосисок, произведённых в Вязьме, сдаёт сумки в камеру хранения.

Освободив руки от тяжёлой ноши, спускается в метро, чтобы отвезти дочь на Красную площадь. Отстояв длинную очередь, по ступеням Мавзолея спускается к гробу Ленина, чтобы

мысленно проклясть его за собственное обнищание и бесправное положение. Оценивает достаточно ли пространства для второго такого же гроба, чтобы увидеть в нём когда –нибудь ещё одного лежащего вечного вождя всех народов, сидящего сейчас в Кремле.

В следующую поездку направляется с дочерью в зоопарк и обязательно посещает парк Горького... Вечером садится на поезд, чтобы ранней ночью прибыть в Вязьму. В понедельник без пятнадцати восемь «кровь из носа» должен быть на рабочем месте.

Опоздал на десять минут – пиши объяснение. Опоздал на двадцать, если начальник имеет зуб на тебя, получи пять лет лагерей и пять «по рогам» – это тебе не царский режим, когда за опоздание наказывали копейкой.

Дочери Ивана с четырёхлетнего возраста имеют возможность посещать московские достопримечательности и уже знакомы с ГУМом, ЦУМом, Детским миром, Красной площадью, цирком и знаменитыми московскими соборами, где Иван по большим религиозным праздникам терпеливо, как и положено матерному богохульнику, отстаивает службу.

С началом войны продукты животноводства с вяземских складов отправляют кроме Москвы ещё в прифронтовые города и фронтовые склады.

Чтобы молоко, мясо, колбасы и прочие питательные вкусности в пути не испортились, холодильники рефрижераторов набивают льдом с эстакады ледника.

Сейчас под загрузкой терпеливо стоят несколько вагонов. Рабочие по эстакаде катают вагонетки со льдом. Поравнявшись с горловиной морозильной камеры вагона, опрокидывают лёд. Обычная мирная жизнь железнодорожной станции. Так было позавчера, так было вчера... Хотелось бы, чтобы так было и завтра.

Лето на исходе, большая часть льда со стороны вокзала израсходована. Раскрыта панорама транспортного узла.

Стоя на крыльце дома, Иван внимательно рассматривает покрытые паровозной сажей продуктовые склады, размещённые в конце тупиковых веток; спящих по путям «Овечек», испуганно вскрикивающих при совершении маневра. Маленькие паровозики серии «О» сортируют вагоны, формируя новые эшелоны.

Разгар воскресного дня, на станции нервная суэта усилилась с продвижением врага на восток. Нервозность рабочих передалась Ивану, он курит, часто сплёвывая попавшую на язык «махру».

Ухудшают настроение проносящиеся, стуча на стыках колёсными парами, теплушки с солдатами, крытые платформы с военной техникой, товарняки с зерном, направляющиеся в Германию. Война войной, а зерно, в соответствии с договором, продолжает Германии поступать.

Западную окраину города за переплетением станционных путей закрывают длинные кирпичные корпуса вагонного депо с большими грязными окнами, не мытыми со дня провозглашения советской власти: начальству нас «рать», а рабочим «пох» – свет электрический днём не выключается.

В одном из корпусов, расположенных напротив масляного озера, в которое сливается отработанное масло из буксов вагонов, подлежащих ремонту, отгорожено небольшое помещение с отдельным входом – место работы Ивана Михайловича.

Пройдя от дома Ивана через мощёную камнем дорогу и свернув направо, через пятьдесят метров увидишь выбитую родником воронку – место живительной силы. Напротив родника заканчивается ледник. От родника до угла забора всего метр.

Вода от сильного напора кипит, перемешивая песок, поднятый со дна. В стародавние дореволюционные времена источник освятили и жители Вокзальной улицы ходят к роднику, как к святому источнику.

Возле родника стоит, нагнувшись, Дуся и Иван переключил внимание на неё, любуясь ядрёным задом. Перед тем как опустить ведро в воронку, Дуся оглянулась из – под руки, не

заметив Ивана, наложила на себя мелкий крест, скрыв движение от посторонних глаз – соседей боится. После посадок почти всего состава горотдела милиции демонстрировать свободу действий перестали даже в кругу её семьи – сторожатся длинных языков, нечаянно вырвавшихся слов.

Зачерпывая воду, нагнулась сильнее, выставив на обозрение обтянутый платьем раздвоенный крупный зад. Иван нарисовал себе картину, как пристраивается сзади и... Тяжело вздохнул от недостижимости мечты, представив вселенский хай, который поднимет соседка в случае чего.

Родниковую воду жители Вокзальной используют для приготовления пищи и кипятка в самоварах. Чай из кипячёной родниковой воды очень вкусный, вкус придаёт низкое содержание железа.

В Крещенскую ночь родниковой водой наполняют имеющиеся в доме пустые бутылки и ставят их в левый дальний угол сундука, куда не дотягиваются руки ребенка – сундуки большие, старинные, которыми пользовались давние предки, сохранились в семьях до сих пор. Кроме освященной воды, хранятся в сундуках документы, семейные реликвии и ценные вещи. Сундук – своего рода большой домашний сейф.

Крещенская вода ценится и верующими, и безбожными коммунистами. Вода в бутылках, заткнутых бумажной пробкой, хранится несколько лет, не портясь – разве это не чудо? Используют святую воду в экстренных случаях: при сглазе, испуге, заикании, недомоганиях и хандре. Болезни лечат по старинному рецепту: больного опрыскивают, на лоб кладут намоченную святой водой марлю.

В частных домах, стоящих вблизи болотистой мокрой низины, куда устремляется ручей, вытекающий из родника, не делают погребов из – за их подтопления. Скоропортящиеся продукты – шарики сливочного масла, толстые круги топленого свиного жира, молоко в двухлитровых бутылках с узким горлышком, купленные на базаре – хозяйки хранят в емкостях, наполненных родниковой водой.

Мощеная камнем дорога Вокзальной улицы короткая. Берёт начало от городской бани. Ввиду «Продовольственного магазина» поворачивает влево, минует два кирпичных двухэтажных жилых дома, втискивается в пространство между заборами, отгораживающих железнодорожный транспортный узел и специализированную воинскую часть НКВД. Между транспортным узлом и ледником каким – то чудом по левой стороне улицы вместились маленький участок семьи Ломовых. Участок мешает развитию узла, но – своя рука владыка. Ломов – железнодорожный инженер, пользуется привилегией специалиста.

За территорией воинской спецчасти, кусок земли занимает доктор по женским болезням Кричёв. К его забору из колючей проволоки, а другой проволоки в Вязме не достанешь, примыкает луг, относящийся ко владениям Ивана Теплова.

Со стороны улицы луг не огорожен – проходит тропинка, ведущая к участкам Вадеевых: родителей и женатого на Дусе их сына Семёна.

За высоким деревянным забором радуют глаз соседей кроны фруктовых деревьев пожилых Вадеевых, советских пенсионеров, живущих с доходов от продаж фруктов, и яблоневых деревьев пьяницы милиционера, старшего лейтенанта Семёна, продолжающего служить после чистки городского отдела милиции. В народе говорят: пьян да умён два угодья в нём. Насчёт «умён» история умалчивает, а вот то, что часто «пьян» – угодье есть, потому и держат Семёна на службе.

Охраняет «плодово – выгодные» деревья немецкая овчарка. Лает громко и хрипло. Услышишь её, и мурашки по телу забегают, как шальные.

Участок Теплова зажат лугом, забором Вадеевых, участком Фёклы и забором территории семьи Завидова, ревностного чекистского служаки.

Всего один раз увидел его Иван в форме майора, но этой встречи хватило, чтобы он испытал от соседства с чекистом постоянный страх.

От страха запретил семье общаться с женой и детьми, которых у Завидова трое: две девочки и мальчик. Жена Завидова и её дети, из – за служебной специфики старшего Завидова, тоже стараются с соседями не контактировать, дабы не компрометировать майора – от Ивана иногда, особенно когда он «не вяжет лыка», попахивает антисоветчиной.

Ледник заканчивается напротив дома Завидова и его жене ближе всех ходить на родник. Носит воду гранд дама вечерами перед сном, когда в доме Теплова не горит свет и никто не видит её – так считает она.

От родника дорога стелется между деревообрабатывающей мастерской и домом Фёклы с сыном – офицером, недавно закончившим в Москве военное училище, и приехавшим в отпуск по чьей – то оплошности. Идёт война, младшие офицеры на фронте гибнут массово, какой уж тут отпуск!

За мастерской дорога огибает западный край низины, постепенно приближаясь к железнодорожному полотну. Метров сто идёт параллельно железнодорожным путям, затем под небольшим углом отворачивает вправо с пологим подъёмом на вершину холма. Холм небольшой, но достаточной площади, чтобы на нём уместился маслозавод.

По крутой дуге дорога обходит въезд на территорию завода растительного масла, спускается с холма и заканчивается пересечением с грунтовкой, соединяющей город с районом Гармоново, начинающегося за переездом железной дороги.

Грунтовка – граница между городом и обширным Вяземским болотом – царством злых малярийных комаров.

Болото расположено в треугольнике: река Вязьма, грунтовка, железная дорога – заросло камышом, осокой и ветлой.

Железная дорога отделяет от города городские поселения, бывшие ранее деревнями, Гармоново и Абросимово. Левее поселений течёт неширокая река Улица, начинающая свой короткий путь в Бознянском болоте, примыкающем к Бознянскому озеру.

Набрав на обширном участке болота отфильтрованной мхом воды, Улица направляет свой бег к железной дороге, проходит её под акведуком и падает с десятиметровой высоты, журча между круглыми валунами, разбиваясь на мелкие потоки, в ложину. На равнине вода успокаивается, и плавно уходит под мост грунтовки, разливаясь по Вяземскому болоту, местами делая его непроходимым.

Даже в самое жаркое лето Вяземское болото щедро делится водой с одноимённой рекой. Река Улица и ключи, бьющие в русле реки Вязьмы, не дают последней пересыхать даже в самые жаркие летние месяцы.

От железнодорожного моста, перекинутого через Вязьму, где глубина её достигает более двадцати метров, до развалин крепостной стены города Иван насчитал восемь ключей. Самый мощный ключ бьёт на стержне русла рядом с мостом, создавая тугой водоворот на поверхности воды. Место опасное для купания и вёсельных лодок.

Опасность притягивает солдат, дислоцированных в Гармоново. В жаркий день отпрашиваются купаться. Наиболее смелые солдаты прыгают с двенадцатиметровой высоты моста. Попадая в водоворот, выплывают не все.

В тёплое время года вода в Вязьме холодная. Горожане, живущие поблизости, берут воду для питья. Особенность вяземской воды: стоит в ведре несколько дней и не тухнет.

В половодье Вязьма в избытке отдаёт воду болоту, возвращая прошлогодний долг. Под водой скрываются камыши и кустарниковые островки, превращая болото в огромное озеро. Крупная серебристая рыба, сбившись в стаи, из новоявленного озера устремляется в верховье Улицы на нерест; штурмует подъём к виадуку, не считаясь с потерями.

Любители рыбной ловли, балансируя на скользких валунах, ловко накалывают рыбу столовой алюминиевой вилкой со сломанными посередине двумя зубчиками. Сами того не зная, повторили конструкцию орудия византийской знатной дамы Марии, впервые применившей в тысяча четвёртом году двузубую вилку для приёма пищи.

Выбросив добычу на берег, смахнув брызги с лица, вновь выискивают жертву. Рыба бьется на берегу, извиваясь дугой. Ловцов много, ошалевшей рыбы еще больше. Значительная часть её прорывается сквозь рыбацкий кордон в старицы Улицы и в Бознянское озеро.

Даже не верится, что этой весной Иван Теплов с лучшим другом Валентином, ранним утром застолбив место на ручье, ловил рыбу. Вернувшись с добычей, варили уху, жарили рыбу и под самогонку употребляли приготовленные блюда. Жена Поля и его дочери не пьют, дочери по младости, а Поля не приучена, но по мере сил помогали уничтожать рыбный дар царственной вяземской природы.

В «большую воду» горожане вспоминают про высохшие за зиму лодки, обмазывают их гудроном и тихими вечерами долго катаются по бескрайней глади «вяземского» озера.

Городские охотники балуются ружьишкой, теща душу стрельбой по перелётным уткам. Охотничьи ружья висят на гвозде, вбитом в стену в каждом доме. Стрельба на окраине города – обыденное дело, к ней привыкли, как к дополнению природного антуража.

О войне думали не всерьёз – знали, что будет, воевать придётся, но не рядом, а где – то там, вдали, на краю Советской земли.

Иван, по окончании рабочей смены, стоя в компании плотников, слушал мужиков, спорящих о том, какие из западных государств, на примере Финляндии Советский Союз присоединит к своей территории. В споры не вступал, жены наказ памятью – молчание золото.

Что война придёт на нашу территорию, никто в мыслях не держал. Крепко вбито в сознание людей, что: «от Москвы до Британских морей, Красная Армия всех сильнее». На сильную армию кто полезет – самоубийц среди политиков нет.

Большинство населения Советов накрепко поверили в то, что «когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин и Красный маршал в бой нас поведёт», то «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!». Раздуем так, что самим станет тошно от счастья и штаны наполнятся радостью – стирать, не перестирать.

Участок Ивана расположен удачно, вблизи природной и в полном смысле не испорченной промышленными застройками и отходами местности.

За окружной дорогой приличный участок территории занят болотом с мелкими прудами, в которых размножаются и весь летний сезон плавают утки. Иван, как и ближайшие его соседи, держит дома двустволку. По весне и в осеннюю пору навещается на болото. Ни одной утки не подстрелил, но разве в этом счастье? Важен сам факт хождения на природу человека с ружьём и стрельбы «в белый свет, как в копеечку».

Местность от кромки Вяземского болота в сторону города постепенно поднимается и плавно переходит в заливные пойменные луга, летом покрытые сочной травой и цветами. Из тех цветов, что растут за участком Ивана, может назвать ромашки, анютины глазки, колокольчики, мать – и – мачеху, конский щавель, клевер белый и розовый, жёлтую слепоту. Большинство названий не знает и знать не желает, чтобы не забивать голову – цветов много, всё равно всех не запомнишь.

С первой травой наступает пора главных забот местных жителей. Хочешь, не хочешь, а вставай в четыре утра и по росе отправляй бурёнку в стадо. На Второй Крапивинской улице и улице Вокзальной количество коров достигает порой максимума. При одном пастухе стадо неуправляемо. Разбивают его на две половины, нанимают второго пастуха и на пойменные луга направляются два стада.

Жители окраины считаются горожанами, но образ жизни ведут деревенский: держат коров и свиней, кур и уток, для форса – гусей и индюков.

От домов вдоль огородных наделов протоптаны тропинки. Петляя между вековыми, в два обхвата взрослого человека, липами, тропинки утыкаются в окружающую дорогу, начинающуюся возле остатков городской крепостной стены, и заканчивающуюся в районе маслозавода. Соединяясь с грунтовкой Вязьма – Гармоново, образует единую городскую транспортную систему, отсекающую город с востока и северо – востока от пойменных лугов и болота.

В летнюю пору поросшие цветами пойменные луга красиво обрамляют медленно текущие воды Вязьмы. Картинно смотрится красавица река, поросшая вдоль берега лилиями и кувшинками, с бьющими со дна холодными ключами и прозрачной чистой водой, пригодной для питья. Река – прибежище рыб, пиявок и змей – волосатиков. В заболоченных заводях растёт высокий аир, создавший идеальные условия для размножения лягушек, от счастья устраивающих несмолкаемый вечерний концерт. Слушать их одно удовольствие, так и хочется помочь им, заквакав.

За Вяземским болотом, на возвышенном берегу в гордом одиночестве стоит водокачка, качая воду из водозабора, сооружённого рядом с железнодорожным мостом. Вода из реки подаётся в город по водопроводу, оборудованному колонками с кривыми носиками и крючками, для подвешивания вёдер. Вода в водопроводе природная без примеси хлорки и другой химии, обеззараживающей воду.

Место для строительства дома – пятистенка Михаил Теплов выбирал вблизи ледника по причине близости к вокзалу и привольной жизни для будущих детей Ивана – за огородом начинается пойменный луг. Пройдёшь его – и ты на речке. Благодаря близости проточной воды, дочери Ивана в баню летом не ходят, бултыхаются по нескольку часов в реке.

Придёт нужда помыться основательно – пожалуйста, баня недалеко, взрослый входной билет стоит десять копеек, а детям до семи лет помывка бесплатная. Полная дружелюбная тётка документ на ребёнка не требует, верит на слово, оценивая возраст на глазок. У неё глаз – алмаз, никогда не ошибается.

Со стороны базара перейди центральную дорогу, ведущую к горкому партии, пройди сто метров по улице Железнодорожной, увидишь Дом культуры, где в дни выборов открыт избирательный участок.

Совсем недавно Поля ходила с Иваном в очередной раз выбирать товарища Сталина. Жаль, не поинтересовалась, куда вождя выбирала. Бросила бюллетень в урну, не читая, и вернулась домой. Готовила обед, пока муж отмечал важное государственное событие – единодушное волеизлияние народа.

Напротив Дома культуры стоит низкорослое здание городского отдела милиции, по размерам в три раза меньше Дома культуры, что правильно, так как работа отдела милиции и его размещение, должны быть неприметными и не бросаться в глаза ворами, бандитам и прочим противоправным элементам.

В угрозыске работает старший лейтенант милиции Вадеев, пока не отмеченный боевыми наградами за задержание преступников, но это поправимо – какие у него годы?

Всё рядышком. Ради чего Полине уезжать от полюбившегося места, бросать трудом и горбом нажитое? Надеется на кривую стезю, которая в народе называется: «авось пронесет». Поля верит в «авось» не с кондачка – немцы физически не смогут дойти до Вязьмы – не хватит сил ни людям, ни технике, чтобы завоевать огромное пространство, растянувшееся на тысячи километров. Не допустят наши. Где тот пограничный Брест и где Вязьма?

Поля повернулась на гудок паровоза очередного, проходящего товарного состава. Удивлённо спросила мужа:

– Неужели продолжают отправлять в Германию «наше» зерно? Гляжу, эшелоны не только с солдатами направляются на запад, но вроде и хлебные? Война не мешает зерно вывозить из страны?

– В конце июня, мужики говорили, да и сам я видел, шли, – сплюнул Ваня. – И в Гжатске составы стояли, ожидая отправки. Выполняют договор с Германией по поставке зерна. Сейчас не знаю, не интересовался, некогда даже в окно взглянуть, целыми днями занимаюсь ремонтом разбитых вагонов, некогда передохнуть.

И деповские партийные политинформаторы, которые раньше надоедали своим присутствием, куда – то запропастились, некому разъяснить политику текущего момента...

Заговорив о зерне, Поля вспомнила, что муж обещал на обратном пути с работы купить хлеба про запас, поскольку его осталось совсем мало.

– Ты принёс мне то, о чём я просила? Хлеб из продажи пропал, чем девок кормить?

– В сумке посмотри; две буханки купил, больше не дали. Возьмёшь с собой в деревню...

– Хотелось бы надеяться, что...

– Хватит, Поля, не заводи «шарманку». Немцы не придут – вернешься! Сама говоришь: бережёного бог бережёт! Тебе сейчас вдвойне следует беречься – с большим животом ходишь. В деревне по – любому жизнь спокойнее, родишь без...

– У меня, Ваня, нехорошее предчувствие: уеду, больше не увижу нашего дома, – вытерла глаза грязным платком и скомкала его в руке.

– Не разводи мокроту, твою мать! – выругался Иван, с трудом сдержавшись, чтобы самому не заблажить. Сдержался, потому что увидел старшего лейтенанта, идущего на обед. Иван соседу не доверяет, ожидает от него неприятностей, сделанных исподтишка. Не потому что мужик плохой – пьющие мужики плохими не бывают, а по долгу службы в милиции. От милиционера, да ещё коммуниста, даже пьющего – жди беды, хотя здороваётся, сволочь, вежливо.

– Привет, Иван! Стоишь?

– Стою. Привет, Семён! Трудное у тебя сейчас время, достаётся, наверно?

– Достаётся, не без этого, – ответил Семён на ходу, торопясь домой.

Поля одёрнула мужа: – Не трепли языком, и не ругайся, дочки слышат. А слёзы свои я давно выплакала. Лучше ответь, почему в России не дают людям жить, а? Ну, почему? Чем мы бога прогневали?

Родилась в год, когда Россия только – только стала отходить от разгрома на Дальнем Востоке. Мать рассказывала, что домашние долго не могли забыть деда, погибшего на войне. Его фотография в военной форме хорунжего долго висела в рамке на стене. Сняли, когда бабушка умерла.

Закончила второй класс церковно – приходской школы – началась австро – венгерская война. Или германская? Теперь её вроде называют Первой мировой? Ну, да ладно, не важно, как ее звали! Главное другое, деревенские бездельники, которых раньше «миром» поддерживали, вернулись с фронта обвешанные оружием – революция. Ура, ура, свобода! Что первым делом сотворили? Отобрали у своих же сельчан скот и лошадей. Вместе с лошадьми утащили сеялки и веялки, бороны и плуги.

Отбирать – не работать, ум не нужен!

Отобрали у кого? Естественно, у «кулаков», работавших с пяти утра, ложившихся в одиннадцать вечера, с темнотой. В семьях «кулаков» трудились все, особенно летом, иначе жить не могли.

Детей брали с собой. Положишь ребенка под куст, в тенечек, дашь ему домашнего пива и спит малыш, посапывая, никому не мешая. Изредка мать подойдёт покормить и пеленки поменять.

– Меня в поле брали... Я этого не застал. Из детства запомнилось только как военные со звездой на островерхом шлеме зерно из подпола выгребали. Батя жутко матерился и за ружьё хватался. Я одного красноармейца за ляжку укусил, получил сапогом по задку. Как семью раскулачивали, тоже не довелось увидеть – уехал учиться на ветеринара в Петроград.

– Мамка рассказывала: она с дочками долго бежала за подводой. Ревмя ревели, хватались за ноги батьки, за шинель солдат, умоляя не забирать его, больного. Красноармейцы отталкивали, били прикладами... даже женщин, – «куммунисты», «иху мать»! Мамке несколько раз досталось, – помолчал немного и вновь длинно выругался:

– «Кум – му – ни – сты!»». Доходили слухи, что батьку в Сибирь сослали, но точно никто не знает. Пропал с концами. Где, в каком месте на могиле свечку зажечь? Скорее всего и нет её. Бросили в какую – нибудь канаву, безбожники – любят канавы людьми, как мусором, заполнять.

Воспоминания продолжила Пелагея, желая выговориться, пока Иван рот ей не закрыл матом.

– Работали, работали... У парней и девок к двадцати годам руки грубели, покрываясь мозолями.

Со стенаниями и людскими проклятиями покатила по стране повторная экспроприация: грабь награбленное! Раскулачивали уже не именем революции, а именем советской власти. Советская власть жадными «грабками» выгребла всё ценное. Даже самотканые половики с пола смотала.

Чужое брать не страшно, имея на руках узаконенное оружие.

Люди заваливающиеся, лодыри, лентяи по жизни, пена людская, «вознесшись наверх», заделалась начальниками, не хухры – мухры. Новых начальников на сивой кобыле не объедешь. Чуть что не по ним, обзывают контрой, хватаются за револьвер... К месту пришлось:

– Кому война, а кому мать родна! Голые и нищие в одночасье разбогатели, чужое добро «кулаков» к себе во двор тащили, тащили.

Раздражение захлестнуло Полю, не может остановиться: – После военных операций над собственными крестьянами, устроили войну с Польшей, потащили коммунизм к ним. Вошла Красная Армия в Польшу. Краснополяков не нашли, водку жрать не с кем. Подвернулись под горячую руку белополяки.

Мимо Вязмы эшелонами белополяков повезли в теплушках под усиленной охраной. Куда? В плен? На расстрел? Разговоры шли, что отвезли в Тверь, потом расстреляли.

В коллективизацию отобрали последнюю спрятанную от раскулачивания корову. Партийные функционеры согнали животных в концентрационный амбар, назвав его коровником, но не удосужились заготовкой корма, озаботиться ведрами для дойки, молочными ёмкостями, другой тарой.

Начальники не попросили озлобленных наглым воровством рогатого скота людей, записанных, но не ставших «колхозниками», выйти на работу, чтобы ухаживать за коровами.

Добровольцев не нашлось: кому нравится кормить и доить чужую скотину, ведь семьи кулаков воспитаны на принципе – не трогать чужое, считая это воровством. Сыграло роль и убеждение не помогать врагу. А коммунисты и есть враги, насильно отобравшие у крестьян нажитое тяжёлым трудом.

«Колхозная» буренка сутками стояла не кормленная и не доеная. Начался падёж...

Зорька вырвалась из колхозного плена, примчалась домой, встала возле запертой калитки. От голода еле на ногах стоит, а вымя – то полное. Молоко вымя рвет, больно ей, крупные слезы катятся из глаз.

Подошли с мамкой к Зорьке, не сдержались, тоже заплакали. Обняли родимую кормилицу за шею, мама с одной стороны, я с другой, и ревом. Как сердце не разорвалось?

Зорька до последнего держалась, но не выдержала испытание коллективизацией – начальной стадии построения коммунизма – сдохла. Опустел амбар.

Туши коров разрубили на куски и выбросили в лес. Волки развелись: жратвы вдоволь.

Не дав народу передышки, рванулись искать белочеловеков в других странах. Повоевали в Испании – нет белоиспанцев. Не найдя искомое в Испании устроили Халхингольскую войну.

Белояпонцев не нашли, и в ярости много японцев положили за светлое будущее Монголии. Наконец улыбнулось счастье – в Финляндии появились белофинны. Ура!

В борьбе с белофиннами положили полмиллиона красногвардейских мальчишек.

Сколько можно? Зачем воевать? Не живется властям спокойно, чего не хватает? Получается, человек приходит на Землю не трудиться, а разрушать? Несколько лет строит, десяток – разрушает.

И в войну, и в промежутках между войнами трясешься от Держинских, Менжинских, Ежовых..., Берий, Сталина. Один другого паскуднее – и всё нерусские. Всю жизнь боишься Железных Феликсов, Ежовых рукавиц, Мёртвых глаз, Вождей всех народов; голода, войны, руководителей верхних и нижних, дальних и ближних, доносов.

Вот, ты, Ваня, в курсе жизни соседей, могут они стучать на нас в НКВД? Вполне могут, особенно старушки, сами того не зная. Тайком ходят в церковь исповедоваться батюшке...

... – а батюшка «коммунист» и сотрудник НКВД, известно всем, – помог Иван закончить фразу.

– Дуся – учительница. Детей в классе расспрашивает, – продолжила Поля.

– Передаёт мужу сведения о жизни родителей учеников. Муж работает в милиции, милиция сотрудничает с НКВД...

Баба Фекла выглядит дура дурой, а на самом деле вполне может служить осведомителем.

Муж Тони Завидовой служит в НКВД, страшный человек – боюсь с ним здороваться. Из – за него с Тоней не разговариваю, чтобы не ляпнуть лишнего.

Ни с кем из соседей, как бывало в деревне, на откровенные темы не разговариваю. Живу как во вражеском окружении.

Теперь вот – благодаря товарищу Сталину и геноссе Гитлеру – война.

Ваня, ты газеты читаешь. Не знаешь, что означает «геноссе»?

Надо отдать должное Ване, человеку начитанному, без запинки ответил:

– В переводе с немецкого «геноссе» означает товарищ.

– Это что же получается? Если бы я жила в Германии, то говорила бы: «Товарищ Гитлер и геноссе Сталин»? Услышав подобное богохульство, Иван испугался и побледнел. Ответил возмущённо:

– Тихо ты! Прекрати на эту тему разговаривать, не то заменят нам вождей на товарища – станем заиками.

Но Поля не успокаивается.

– Закончится эта, придумают следующую войну, например, с Америкой. Потом с Китаем... А если тронется Китая, всё кидай и удирай!

Потом... Надоело! Кто больше людей губит, тот более Великий правитель.

Из – за них наша жизнь похожа на хождение по небольшому снегу, под которым чистый лёд. Начнёшь бежать, как не берегись, поскользнешься и разобьёшься. Самое отвратительное – упадёшь навзничь. Стукнешься спиной, и, само собой, затылком – позвоночник разобьёшь или получишь сотрясение мозга. Или то и другое одновременно.

Поля остановилась передохнуть, Иван усмехнулся и поинтересовался:

– Наговорила, легче стало? Давай, закругляйся. Языком молотить, не серпом жать. Все, о чём ты говоришь, знаю не хуже тебя. Иное меня заботит. Всё думаю, куда тебя отправить. Не хочешь в Велеево? Тепловых много, все родственники. Примут с милой душой...

– Ваня, Вязьма всего в каких – то двухсот сорока километрах от Москвы. Неужели Москве хватит совести Вязьму отдать? Не хочется уезжать....

– Немцы быстро идут! Их самолёты свободно над Вязьмой летают и днём, и ночью. Никто огнём их не встречает – куда – то подевались сталинские соколы. Слышишь, звук самолёта? – немец над нами летит.

– Как ты узнал?

– Прислушайся! Наши самолёты гудят с натугой, надрываясь. А этот, как собака повизгивает.

– И правда, как щенок плачет, – согласилась Поля и глазами показала Ивану:

– Смотри, Дуся в нашу сторону направляется. Спрошу у неё. Если она поедет, я тоже соглашусь.

– Дуся, ты собираешься уезжать?

– Да куда, я Поля, поеду? Сама подумай, на кого сад оставлю. Разграбят, поломают деревья. Мы в него столько сил вложили. А ты, никак, думаешь уезжать? Оставайся, веселее в соседской компании будет! Тоня и Фекла остаются!

– Я подумаю.

– Думай, думай!

– Дуся, твой милиционер, его в армию не взяли? – не сдержалась, хотя и давала себе слово на подобную тему не разговаривать, проявила бабье любопытство Поля.

– Нет, болезнь у него, – ответила Дуся, блудливо отведя глазки в сторону.

– Ну да, ну да, болезнь! То – то я его частенько пьяным вижу... Не боишься оставаться с ним в городе?

– Э, Поля, все под богом ходим! – сослалась на бога коммунист Дуся, сделав вид, что слово «пьяным» не слышала.

– Что на роду суждено... Убьют, так убьют!

– Он же коммунист! И ты тоже... Увидев гневный взгляд Дуся, Поля осеклась.

«Дёрнуло же меня за язык», – испугалась – накличет Дуся беду. Не один раз грозились донести на Ивана за его антисоветские пьяные высказывания.

Дуся резко повернулась и с гордо выпрямленной спиной продолжила путь в сторону станции.

– Что, струсила? – посмотрев на бледное лицо Поля, с ухмылкой поинтересовался Иван. – При таком бардаке, как сейчас, ей вскоре будет не до нас, самой бы остаться живу. И переключился на другую тему.

Немцев не видать на горизонте, а руководство города уже ходит как пыльным мешком пришибленное. Никто ничего не делает для полноценной обороны. Куда – то подевалась та, которая от «Москвы до Британских морей» всех сильнее. Ни одного военного в городе не увидишь. Сбежали, что ли? В Гармонове пустые казармы стоят, радио молчит, нужных...

Немного помялся, вздохнув, пожаловался: после работы боюсь без топора ходить. Городская шпана, почувствовав безвластие, распоясалась, пристают.

Шумно высморкавшись, оглянувшись, не увидел посторонних и, понизив голос до шёпота, чуть слышно произнес:

– Среди деповских ходят разговоры, что немцы Минск и Оршу прошли играючи. Пленных взяли – миллионы...

Под Смоленском разгромили «куммунистов».

От Смоленска до Вязьмы больших городов нет, Красной Армии не за что зацепиться кроме Рославля и Ярцево. Слышал, вроде там заслоны ставят, но городки небольшие, не преграда. Обойдут их, и покатится к нам лавина, задавит...

Наступая, в первую очередь бомбят железнодорожные узлы. На станции скопилось огромное количество эшелонов. Точно станут бомбить. Заодно достанется станции и депо. И вблизи станции разнесут всё в пух и прах, и спасибо не скажут. Наш дом от железной дороги отделяют ледник да колючая проволока – не защита. Дом сохранится, если Вязьму отдадут без боя.

Пелагея сделала ещё одну попытку надавить на Ивана и уговорить оставить её с детьми в городе, потому привела довод, посчитав его убедительным.

– Дуся не боится оставаться в городе, да еще с мужем – милиционером. Заложит кто, немцы их не пощадят. Они все равно рискуют, на что – то надеются! Я тоже остаюсь!

Для усиления эффекта сказанному добавила аргумент:

– Начальник депо тебя уважает. Сходи к нему, попроси посодействовать, зря, что ли ты бесплатно ему мебель делал? Бронь к тому же... Будем горе мыкать вместе.

Иван, лучше, чем Поля, зная жизнь, резонно заметил. – Отобьет, не отобьет... Время пришло спасаться каждому поодиночке, нужен я ему... В России человек собственной судьбой давно не распоряжается, а в военное время тем более. Закинут меня за «Макара, куда тот гусей забывал гонять», не обращая на бронь. Гребут мужиков подчистую.

– Ладно, Ваня, поговорили, – подумала, обмозговала и окончательно решила:

– Никуда не поеду, не оставлю тебя одного. Один, без меня, пропадешь! Найдёшь бабу, загуляешь... Вот, если тебя заберут на фронт, то отправлюсь в деревню! Договорились?

Иван не ответил, ушёл в дом. Открыл миску с горячей картошкой, нарезал большими кусками варёное сало и принялся за обед. Женскую часть семьи не пригласил за стол – обиделся, что жена пошла против его желания.

Участились налеты немецкой авиации на железнодорожный узел. Достается скопившимся на станции составам, страдает депо. В тупик поближе к леднику заталкивают горящие вагоны. Потушив пламя водой из мощных брандспойтов, остовы вагонов отправляют в депо на восстановление. Ивану добавилось работы и он перестал приходить на обед.

В один из дней при новом налёте прямым попаданием разнесло на кирпичики двухэтажные дома в начале Вокзальной улицы, что рядом с баней. Баня не пострадала.

Несколько неразорвавшихся бомб утонуло в мокрой низине недалеко от дома Фёклы.

Если бы бомбы взорвались, досталось бы дому Фёклы и вряд ли сама Фёкла и её сын остались живыми.

Подошла очередь сына Фёклы отправляться на войну.

Ох, и кричит Фёкла, провожая сына. Вся Вокзальная улица слышит её надрывный крик: – Зачем же я тебя родила? Сыночек мой родненький, мой единственный, на кого ты меня бросаешь, оставляешь одну. Пропаду я без тебя. Олежек, Олежек – у – у–у, сыночек!

От горя ноги отказали. Села на землю, подвывая и повторяя имя сына. Потом замолкла. Схватившись за голову, стала раскачиваться. Тоня часа два стояла над ней, ожидая, пока успокоится. Дождавшись, увела в дом, уложила в постель.

Старшие дочери Поли, услышав крики Фёклы, подбежали к изгороди. Посмотрев на страшную, разлохмаченную бабу, испугались и ударились в рёв. Поля отвела их в свою комнату, с трудом успокоила, дав по конфете.

При бомбежке железнодорожного моста досталось Вяземскому болоту. Разорвавшиеся бомбы понаделали воронок, а неразорвавшиеся – дырок, тут же наполнившихся водой.

От близких разрывов тяжелых бомб дом – пятистенки Ивана заплясал, стал азартно подпрыгивать, словно игрушечный – решил побыть в качестве мяча. Повылетали стёкла окон. Разбилась посуда, свалившись с деревянных самодельных полок. Грохот на улице, грохот в доме, рев детей, вот – вот начнется истерика у самой Поли.

Когда Иван предлагал ей уехать, она не подумала своей дурной головой, что одно дело говорить о войне вдаль от неё, и другое дело – слышать войну, пришедшую в дом. От пережитого страха забеспокоился ребёнок в утробе. Стало подташнивать. Тяжело села на лавку, тупо смотря в окно. Что делать?

Стукнула входная дверь. Прибежал, что для него не свойственно, испуганный, запыхавшийся Иван. Ворвался в спальню. Увидев Полю, задал глупый вопрос: – Живы? А мне сообщили – в наш дом попало.

Чуть успокоился и объяснил испуг ситуацией в городе.

– На станции творится что – то невообразимое. На путях валяются искореженные вагоны, в депо крыша обвалилась, идут раскопки, ищут убитых и раненых. Пока добирался, думал, ноги поломаю. Кирпичи двухэтажных домов раскиданы на пятьдесят метров от взрыва.

– Твою мать, дождались «До Британских морей» – трепачи. Заскочил ненадолго, отпросился у начальника. Быстрее собирайся! Бери детей, отведу на вокзал. Рабочий поезд на Пещёрск отправляется через час...

2. Начало беды

Подкидывш из трех облезлых николаевских вагонов, скрепя сочленениями на стрелках, долго выбирается со станции. Вагоны мотают из стороны в сторону и в такт с ними повторяют движение сидящие на нижних полках молчаливые женщины с сосредоточенными, задумчивыми лицами. Горожанки, имеющие корни в сельской местности, уезжают, бросив нажитое на произвол судьбы, чтобы переждать смутное время вдали от Вавилонского столпотворения, вызванного отсутствием власти. Вражеское нашествие гонит в город мутную волну, а в мутной воде не обязательно шелупонь ловит рыбу, но и недобропорядочные личности, от которых трудно спастись.

Уезжают, а в голове, как земляные черви в банке, копошатся мысли, «может, зря? В городе остались родные стены, друзья, знакомые».

Заполнены все купе. Женщины сидят, касаясь бёдрами. Тесноту увеличивают объёмистые узлы, лежащие, для большей сохранности, на коленях и прижатые к животу пассажирок. Зыбкость, неуверенность в завтрашнем дне, приучили людей держать ценности поближе к телу. Сейчас именно тот случай, когда вещи «поближе положишь, поближе возьмёшь».

Поверх узлов удобно устроились маленькие дети. В силу возраста им не сидится спокойно, постоянно вертятся, норовя развлечь себя. Детей война не пугает; заботы матерей не беспокоят.

Детей много, но шум от них небольшой. Матери вовремя пресекают шалость лёгким хлопком ладони по рукам или губам, чаще по затылку – к чему дети привычны. Подзатыльники оказывают кое – какое воспитательное действие, правда, не до конца. Продолжают развлекаться исподтишка, чтобы мать не заметила.

Оконные створки опущены до упора, но прохладнее не становится – за окном перевалило черту за двадцать плюсов.

Летит сажа, неприятно пахнет дымом от сгораемого угля в топке паровоза – это тот вид неудобств, на который народ не обращает внимания. Коммунистическая партия и советское правительство приучили население довольствоваться малым римским правом: хлебом и зрелищем. Выход за рамки римского права ограничивает пятьдесят восьмая статья, расширенная дополнительными частями.

Полки и пол вагонов загажены шелухой семечек, обрывками бумаг, старыми окурками, растёртыми плевками. Пассажиры привычны к подобному состоянию общественных мест, считают грязь в рабочем поезде естественным продолжением их жизни – чай не баре, на вокзальный туалет не похоже и, слава те Господи!

К чему, к чему, а к плохому отношению к себе власть приучила народ достаточно быстро. Люди от власти ничего хорошего не ждали и не ждут, стараются самостоятельно выживать в любой ситуации.

Первая остановка – Новаторская. В вагон забралась группа мужиков специфической внешности с небритыми рядами и жёсткими взглядами.

Идут по проходу. Останавливаются в купе, сверлят глазами, смущая женщин. Молодые женщины не выдерживают, отворачиваются, либо начинают рассматривать окурки на полу, лишь бы вновь не встретиться с наглыми взглядами.

Мужики стоят недолго – смотреть не на что. Как одна, бабы неухожены, растрепаны, в стареньких одеждах. Узлы по неряшливости могут поспорить с хозяйками.

Умеют русские женщины перевоплощаться. Краску нанесли на лицо, причесались – красавицы; убрали боевую раскраску, добавили лохматости в волосы, надели кофту старенькую, рваненькую – уродины, смотреть не хочется.

Мужики идут дальше, женщины облегченно вздыхают: «Слава Богу, не прицепились, даже не оскорбили!». Бабушки открыто крестятся – верующие перестали бояться накладывать крест – потерял смысл в доносительстве. Наиболее смелые пожилые тётки вывесили крестики напоказ – потерял контроль над людьми. Коммунистам сейчас не до верующих. Самим бы определиться в создавшемся положении и не попасть под репрессии военного времени. Наступила пора прятать партийные билеты подальше.

Полина и дети крещены в младенчестве, под жакетами у них на суровых нитках висят освященные крестики с распятым Христом на стеклянном кресте – знак веры, данной при крещении.

Поезд, телепаясь, миновал станционный узел, вышел на прямую, но набрать скорость мешают частые остановки.

Остановка «Малинник». Малинник занимает площадь равную гектару. В конце июля – в августе женщины с детьми приезжают сюда на заготовку ягод. Сладких ягод каждый год родится столько, что их хватает и двуногим, и четвероногим косячатым зверям, забредающих в малинник из Велеевского леса полакомиться деликатесом. Мишки одним своим громадным видом пугают сборщиков.

Страх – великая сила, изменяет обличье государств, что уж говорить о людях слабых и убогих?

Бросая бидончики и корзинки, ягодники, бывает, описавшись, выскакивают к железной дороге. Собравшись в толпу, успокаиваются и вновь осторожно возвращаются в малинник. Звери с довольным урчанием подбирают разбросанные ягоды.

Машинист остановил поезд по давно заведенному порядку. Никто не вышел, и паровоз дал гудок на отправление. Пассажиры равнодушно смотрят на красные ягоды, близко подступившие к железнодорожному полотну. Если высунуться из окна вагона до пояса, можно до них дотянуться.

Пассажирам не до малины.

В Пещёрске Поля с детьми сошла за переездом грунтовой дороги Велеево – Пещёрск, недалеко от будки дежурной.

Привычно посадила двухлетнюю Инну на плечи. В одну руку взяла узел, в другую – ладошку пятилетней Лили.

Старшей дочери скоро исполнится восемь лет, маме помощница. Девочка взрослая и по – взрослому, как мул, нагружена узлами. Пристроившись сбоку, семенит рядом с матерью.

Кривой улицей с частыми глубокими продольными сухими ямами, из – за долгого отсутствия дождей, выбрались на окраину Пещёрска, застроенную частниками. Черные покосившиеся халупы и еле стоящие до первого сильного ветра заборы указывают на безысходную жизнь женщин, оставшихся без мужей. В почерневших домах безрадостно доживают свой бабий век вдовы очистительной революции. Революция очистила Пещёрск от мужиков. Остались особи с признаками мужского пола не пригодные ни для баб, ни для войны.

Радуюсь прекрасной погоде, не торопясь, до вечера ещё далеко, миновали луг, заросший вторичной отавой, и пошли параллельно опушки леса, разросшегося между Пещёрском и деревней Вежнева, в честь деревни, названным Вежневским.

Дорога, которую Поля с детьми следует пройти, ограничена справа лесом, переходящего вблизи Вежнево в Велеевский густой хвойник, слева неглубокой канавой, поросшей редкими сорными кустами, являющейся границей колхозных полей колхоза «Путь Ильича». Дорога, обычно в эту пору оживлённая, сегодня пустынная, не смотря на то, что вдали, за полями с озими, видны колхозники, выполняющие вторичную подборку картофельных клубней. Позади них стадо свиней ковыряет носом землю в поисках съедобных корней, мелкой картошки и червей.

Дорога покрыта толстым слоем теплой мягкой пыли. От деревьев тянет смоляным теплом. Идти с узлами тяжело, жарко и Валя с Лилей, по совету матери, сняв обувь, пошли босиком. На ходу сняли жакеты.

Поскольку Валя нагружена узлами, обувь и жакеты дали Лиле. Обувь на шнурках болтается у неё на плече, а жакеты несёт в руках. Нести неудобно, но девочка не хнычет, нашла интересное занятие – с удовольствием подкидывает пальцами ног мягкую смоленскую пыль.

Пройдя сто метров вдоль опушки леса, Полина застонала – ребёнок запросился наружу. «Господи, хоть бы не родить», – подумала со страхом. Мысленно попросила: «Потерпи немножко, сынок, деревня уже близко».

Очередной приступ боли согнул её, а затем опустил на бровку дороги. Немного отдышавшись, попросила дочерей помочь подняться.

Выводок «цыплят» нагнала колхозная подвода с пустыми мешками, запряженная молодой кобылой. Возница, управляющая гужевым транспортом, радостно окликнула её. – Поля! Здорово, подруга! Резво ты бежишь с большим животом, еле догнала. Тпру, зараза! К родителям под бочок торопишься? Правильно надумала, в городе, наверно, небезопасно стало жить? Слышала, Вязьму бомбили, жуть! Как бомбежку пережила?

– Ой, Тася, хорошо, что встретились. Здорово! Я думала, что не дойду до дома, рожу на дороге. Ты вещички и девчонок моих не подвезёшь? Нагрузились, сомлели, еле – еле плетёмся.

– На телеге места хватит. Младшую положи на мешки, пусть спит. Сама садись да смотри не роди – я не умею принимать роды. Надолго в деревню?

– Пока война.

– А чего без Ивана? Забрали его?

– Остался в депо, у него бронь.

– Ну, ну! – не стала развивать тему Тася, чтобы Полю не обидеть. Иван в молодости подбивал к ней клинья. Поля об их романе знала, было время молодое – косилась на неё.

– Как думаешь, немцы придут к нам?

– Иван полагает – могут.

– Да! Дела! Наши золотые мужики – старые пердуны и инвалиды – тоже так маракуют. Ты же знаешь наших мужичков, в молодости их революционеры ушибли пыльным мешком, с тех пор ничего хорошего от жизни не ждут.

– Перестань, Тася! Злишься на мужиков, что замуж второй раз выйти не получается. Вот, то – то!

– За кого выходить, подруга? Давно в деревне не была, не знаешь нашей жизни, если только ее жизнь можно назвать. Последних нормальных мужиков в финскую поубивало. Правду говорю: старики да инвалиды остались...

За разговором добрались до густого кустарника, сильно разросшегося с тех пор, когда Иван приглашал Тасю поговорить здесь о тяжёлой женской доле.

Небольшой Вежневский лес закончился, начался массив большого Велеевского леса.

Кустарник загородил поля и деревню, расположенную на взгорке. До деревни осталось немного, с полкилометра, а то и меньше.

– Полина, смотри, – с испугом в голосе ткнула Тася кулаком в бок подругу детства, – вправо!

Поля от удара в бок ойкнула, посмотрела вправо и увидела двух мужиков, выходящих из Велеевского леса, похожих на красноармейцев. Молодой солдат схватил лошадь за узду:

– Приехали бабы! Слезай, станция Березай – гы, гы, гы! – Очень смешным показался ему собственный корявый юмор.

Пожилой держит наизготовку топор с новеньким топорщиком. Ярко на солнце блестит остро наточенное лезвие, вызывая животный страх у подруг. Подойдя к телеге, свободной рукой согнал с подводы женщин; пощупал, помял узлы. Чем – то они ему не понравились.

Развязывать не стал, отошел, ничего не взяв. Ребёнка не побеспокоил. Вдвоём сноровисто распрягли лошадь.

– Ничего не поделаешь, бабы, забираем лошадь для нужд Красной армии, – ехидно ухмыльнулся пожилой.

– Гы, гы, гы! – вновь зашёлся в смехе молодой и, перестав смеяться, предложил: – Давай вон ту, что постарше, возьмем с собой. «А, а, а», – закричала Поля, схватившись за живот.

Старший по возрасту посмотрел на большой живот женщины, хлопнул младшего по шее: – Не гони, проблем не оберемся. Надо в часть торопиться, а то командир взгреет нас за опоздание, – гоготнул неуверенно. Поспешно схватил за узду и потащил, не желающую идти в лес, лошадь. Через мгновение пропали за деревьями, будто их и не было вовсе.

– Ох, и натерпелась страху. Еле выдержала, еще немного и как ты заорала бы. Вот тебе и красноармейцы, – возмутилась Тася.

– Я заорала не от страха, ребёнок рвётся наружу, – объяснила Поля крики. – А мужики эти не красноармейцы вовсе. На красноармейцев они похожи как я на артистку. Ты что, Тася, ничего не заметила? Пилотки у них без звездочек, знаков отличия на гимнастерках нет, обувька – чоботы смоленские... и без обмоток. Сдается мне, что напали на нас «экспроприаторы» из деревни, что за лесом, из Мобосовки. Воспользовались смутным временем – искать их никто не будет, помяни моё слово.

– Точно, бандиты, Поля! Я со страху, «того – этого», когда увидела топор. Ты, уж прости меня, но я, кроме блеска топора ничего не замечала. Думала об одном, как бы со страху не описаться – стыда не оберёшься. Еще благодарить надо мужиков, что не тронули нас, не порубали. Время такое, запросто могли бы – мы их лица запомнили. Но они, я с тобой согласна, не наши, скорее всего – Мобосовские из семьи бандитов. В Мобосово столетиями ремесло бандита передаётся из поколения в поколение.

Немного успокоившись, жалобно произнесла: – Вот жизнь! По этой дороге десятки людей за час проходят, иногда не успеваешь здороваться со знакомыми, а сейчас, как назло, ни одной «собаки» нет: ни спереди, ни сзади. Давай понесу ребёнка и убираемся отсюда – вдруг вернуться.

Знать не судьба, Поля, вам ехать. Придется пёхом, немного и осталось!

– Кажется, я уже когда – то видела эти лица, – произнесла Поля. – Но уверенности нет, утверждать не могу.

– Т – с–с! Не при детях, Поля. Забудь. Пойдут сплетни, что бандюков узнали, не сносим головушек своих. Ты сама знаешь, как поступают с теми, кто опознаёт налётчиков – убирают.

Послышался гул самолетов. Немного в стороне от их местонахождения на низкой высоте на восток летят самолеты с большими черными крестами.

Поля, остановилась и заинтересованно посмотрела вверх. Определила:

– На Вязьму идут, тяжелогруженные – натужно гудят. Бомбить будут. Как – то там мой Ваня поживает? Достанется ему, страха нахлебается. Хоть бы под бомбы не попал. Как бы мне раньше времени не родить, очень уж нетерпеливо просится наружу....

– Поля, обопрись на меня, легче будет, пойдём рядышком потихоньку, потерпи, немного осталось. Для подстраховки, отправь Валю за помощью....

– Ей тяжело бегать с узлами, дойду, первые схватки....

Вышли из зарослей, увидели крыши крайних домов, и от сердца отлегло – считай, добрались!

Поднимаясь в гору, женщины изредка оглядываются назад, на такой знакомый, в одночасье ставший страшным, Велеевский лес.

Поднявшись на холм, не доходя до первых построек метров пятьдесят, открылась панорама задника деревни: неряшливые пристройки, без старания сляпанные сараюшки, корявые

наделы огородов, луговина, наклонно спускающаяся от огородов в сторону Смоленского большака, закрытого редким лесным подростом.

– Тася, посмотри на луг! Это еще что за явление природы свалилось на нашу голову? Им – то что здесь надо?

Пологий луг, в это время покрытый вторичной отавой, почернел от тысяч птиц, застывших на земле. Сидят, касаясь боками одна другой. Ладно бы что – то клевали или хотя бы кричали, так нет же! Просто сидят, про тяжёлую птичью долю думу думают.

Тася остановилась.

– Впервые подобный страх божий вижу. Весь луг черный. Это что, галки? А какого хрена, не при детях будь сказано, они ищут на скошенном лугу? Что им надо? Дожили! Даже внимания на нас не обращают, будто мы для них пустое место.

– Галки, Тася, галки! Одно интересно, почему они не галдят, не взлетают при виде нас. Им сейчас самое место на полях, а у них что – то наподобие партийного собрания. Может чего – то ждут, кто их знает. Пошли быстрее. Как – бы худо не случилось с нами. Тяжело смотреть на черную стаю.

– Ой, мам, что это там? Я боюсь!

– Не бойся, Лиля, но говори тише, чтобы птицы не обратили на нас внимание! Не знаю, чего следует от них ждать! Налетят стайей, не отобьемся, заклюют.

– Это нам знак свыше.

– Ладно тебе, Тася. Какой знак! Пошли, девочки, быстрее!

– Может, они, немцев ждут, а? – ни к кому конкретно не обращаясь, шутя, предположила Тася. – Или предупреждают, что скоро появятся.

– Предрассудки, – фыркнула Поля, но про себя подумала: «попала Тася в точку. Немцы придут». И чтобы поднять настроение компании бодро произнесла: – Идёмте быстрее! Пора дорогу заканчивать, мне желательно прилечь, не дожидаясь новых схваток. Когда придём, – посоветовала Тасе, – найди милиционера, заяви о налёте. И председателя поставь в известность. Скажи, что «красноармейцы» конфисковали лошадь; пусть разбираются. Понадобится поддержка, сошлись на меня!

– Какого милиционера? Ты не в курсе нашей жизни. Опорного поста милиции уже с месяц как не стало. Вызвали Володку в Вязьму, больше мы его не видели. А председатель без тебя разберётся. Рожай «скорееча», пока пушки не нарушили тишину.

Максим и Анна обняли дочь. Обласкали внучек, дав по конфете.

Старшие дочери, схватив конфеты, выскочили на улицу, где у калитки уже собрались соседские дети, увидев прибытие новеньких.

Черных птиц деревенские жители не решились прогонять, боясь накликасть несчастье. Дождавшись ночи, птицы, как по команде, поднялись на крыло и пропали на западе за дальними деревьями Пешёрского леса.

Птички подкинули старушкам тему, давшую им возможность от души посудачить, пошептаться, язык мозолями набить: «Страшное знамение, такого на своём веку не припомним – быть большой беде. Вещие птицы знак подают. Ждёт нас приход страшных времён во главе с Навуходносором».

Всего одну неделю пожила Поля без тревог, ожидая срока родов. Вначале глухо, потом всё громче и громче загрохотало западнее Вязьмы. Подумала было, что в их сторону движется грозовой фронт. Сутки за сутками проходят, ветер равномерно дует с северо – востока, но туч нет и на горизонте не просматриваются, а грохот набирает силу, превращаясь в сплошной гул.

Старики, прошедшие Первую мировую, заговорили о приближении фронта боевых действий.

– Ох и грохочет, ох, дюже гремит, дюже сильно лупит, ажно в голове отдаётся! – перешёл Максим на местный диалект. – Не выдержат немцы мощи нашей артиллерии. Такого грохота

в Мировой не припомню. Схожу – ка к Николаю, разузнаю, что к чему, расспрошу в подробности.

Максим не засиделся у Николая, вернулся достаточно быстро. Сел на лавку и тупо уставился в окно, глядя в одну точку. Домашние поняли, что не с радостным известием пришёл хозяин. Зная его привычку не сразу отвечать на серьёзные вопросы, молча уставились на него, ожидая пока он надумает заговорить.

Играть в молчанку Максим долго не смог, полученная новость выплёскивается наружу:

– Это не русские немцев, а немцы красные войска окружили под Вязьмой и добивают. Николай при мне звонил в Пещёрск, ему сказали, что в окружение попали пять полных армий и часть подразделений других армий. Больше миллиона человек находятся в окружении.

– Ох, произнесла Полина и тут же закричала, схватившись за низ живота.

– Начинается, – всполошилась Анна. – «Побёгла» за повитухой, – накинув платок, выскочила во двор.

Вернулась не одна, с ней увязалась Тася. Под неумолкаемый грохот канонады приняла мальчика. Родители и Тася поздравили дочь с сыном. Тася первой поинтересовалась:

– Как мальчика назовёте? Давайте Денисом!

– Нет, – помотала головой Поля. – Уже есть имя, Иван заранее просил, если родится мальчик назвать его Костей. Я с ним согласна, хорошее имя.

– А что, имя замечательное, у нас в семье ещё не было Кости. Мы тоже согласны, – толкнула Анна Максима в бок.

– Мы согласны, – отреагировал на тычок Максим и отправился на двор мастерить люльку.

На самодельном верстаке настрогал заготовок, скрепил их деревянными нагелями. Люлька получилась неказистая, но качать ребёнка вполне пригодная.

– Держи, дочка, подарок внуку.

– Папа, поставь рядом с койкой, – попросила Поля. Отец поставил люльку, и хотел было положить в неё внука. Протянул руки к маленькому свёртку, но дочь не позволила взять, пододвинула сына к себе поближе: – Ты неуклюжий, уронишь ещё. Сейчас покормлю, сама положу. У меня первый сын, будет батьке помощником. Иван просил его беречь, – увидев, что отец обиделся отказом, добавила, сглаживая неловкость момента: – Мне необходимо к положению матери сына привыкать, больше уделять ему внимания, чтобы он здоровый и крепкий рос.

При родах Поля ослабла, с трудом садится в постели, но, пересилив слабость, попыталась встать и заняться приготовлением пищи для дочек.

Увидев потуги дочери, Анна запротестовала: – Лежи, отдыхай, сама всё что необходимо сделаю. Говори, что надо!

Младшая дочь Зина вызвалась помочь матери. Вдвоём приготовили еды, покормили девочек. Убрал за ними посуду, сели сами. Полю покормили в постели. С увеличением членов семьи в доме стало тесновато и родители, чтобы не мешать Поле ухаживать за ребёнком, решили перейти в пустующий просторный дом Михаила, в котором до тридцать восьмого года проживали две его дочери, сёстры Ивана.

Сёстры перебрались на заработки в Москву, полюбили москвичей. В один год вышли замуж и переехали к мужьям на постоянное жительство. Старшей красавице Марии повезло. Ей ответил взаимностью певец хора Александра: двухкомнатная квартира в Красногорске, хрустальные люстры, блеск и красота обеспеченной жизни.

Младшая Соня вышла за водопроводчика – однокомнатная квартира на Второй Мещанской, железная солдатская койка, нищета и убогость, муж выпивоха.

Родители привыкли к своему дому, им хотелось бы остаться вблизи внука, но приняли решение не мешать дочери. Ей и так хватает забот с младшей дочкой и новорождённым сыном. Чтобы не оставлять без присмотра вытянувшуюся, смахивающую на заневестившуюся девушку, одиннадцатилетнюю дочь Зину, Максим и Анна взяли её с собой.

Родители большую спальную комнату, в которой расположилась Поля с детьми, звали Светёлкой. Полина решила не изменять укоренившейся привычке и тоже стала светлую комнату так называть. В Светёлке три больших окна. Два прорублены на запад и одно – на север. Поля передвинула качку к северному окну с дальним прицелом. Если немцы будут наступать с запада, то сыну с западной стороны лежать будет небезопасно. Посчитала северную стену более надёжной защитой.

Вернулась Анна.

– Совсем из головы вышло. Забыла достать материю.

Музыкальный перезвон дал знать, что сундук открыт. Анна вынула запас марли, оставленной на всякий случай, который, как ей показалось, сейчас представился, и отрезала приличный кусок марли. Вдвоём с Тасей накрыли люльку. Не от мух накрыли, мух в доме нет, исключительно ради красоты. У Анны три внучки, а вот внук первый, долгожданный, единственный. Как же бабушке не заботиться о нём?

Деревня Вежево растянута вдоль длинной улицы на вершине холма, резко обрывающегося в сторону полей. Улица проложена параллельно обрыву, в самом высоком его месте. От основания обрыва начинаются длинные наделы полей, тянущиеся к горизонту, обходящие справа окраину Пещёрска.

Открываешь калитку при выходе на улицу, невольно бросишь взгляд на поля. В летнюю пору неописуемо красиво выглядят цветущие посевы чечевички, льна «Стахановец», озимых ржи и пшеницы, овса, вперемежку с голубыми васильками. За зерновыми просматриваются дальние желтые поля подсолнуха, зеленые наделы моркови...

Богата смоленская земля различными родами культур. Произрастают: мак и табак, конопля и кукуруза, бобы и горох, свёкла и рапс. Летом солнца много, земля хорошо прогревается, и ветра вредного сельскохозяйственному земледелию нет. С четырёх сторон посевы и посадки защищены: с запада – Пещёрским лесом, с востока – Вежевским; с севера – вежевской возвышенностью, с юга – Пещёрским районным центром.

Урожай убран, краски поблекли, поля потеряли летнюю красоту – в свои права вступила осень. Как писал один поэт про это время года: «Унылая пора». Идёт дождь, образуя водяную завесу. Взгляду не за что зацепиться: всё мокро, неприглядно; какое уж тут осеннее очарование!

3. Ожидание

– Папа, желательнее, как можно быстрее выправить Костику свидетельство о рождении. Придут немцы, будет не до бумажной волокиты, следует торопиться. В райцентре загс должен работать.

– Понял, дочка, понял, начну действовать. Председатель сельсовета жил в райцентре, к нам на машине приезжал, сидел до пяти... Давненько ни машины, ни его не вижу. Отправлюсь к Николаю, разужнаю, что к чему. С его помощью определюсь, начну действовать безотлагательно. Метрическая книга исчезнуть не могла, в правлении, скорее всего, хранится. Попрошу Николая, чтобы поискал, сделал запись и позвонил председателю. Ему не составит труда договориться о встрече. Если тот не сможет приехать, сами отправимся к нему.

Выслушав Максима, Николай вспомнил, где находится книга, но отказался заполнять её.

– У меня пропала связь, то ли сбой на линии, то ли провода перерезаны, собрался ехать в райцентр разбираться. Ты вовремя подошёл. Ваше дело не сложное, много времени не займёт. Возьму книгу с собой, в райцентре заполню. Меня больше волнует колхозный урожай. Что делать с не вывезенным госзаказом и намолотом, распределяемым крестьянам по трудодням: льном, рожью, овсом, чечевичкой – не знаю. Хранилища забиты овощами: морковью, свёклой, картофелем. Вначале твердили ждать лучших времён, потом обещали разобраться, теперь и вовсе замолчали. Как простой труженик я знаю, что следует предпринять – раздать весь урожай жителям. Как председатель, к тому же коммунист, отлично понимаю, чем грозит подобное самоуправство. Разобьют немцев под Вязьмой, советские чекисты пришлют хищение государственной собственности – это расстрел. Не раздам государственный урожай – придут немцы, всё достанется им. Опять плохо, пришлют желание оказать помощь врагу, а это, опять – таки, уголовная статья – или двадцать пять лет, или расстрел.

Хочу ради подстраховки получить в районе письменное указание, подтверждающее факт дальнейших действий, чтобы защитить себя от беды. Завтра утречком по холодку и отправимся. Не забудь Полю предупредить.

– Пожалуй, забуду! Она сама к тебе послала.

Конюх, семидесятилетний старик, вспомнив молодость, принялся ухаживать за Полей, рассыпать ей комплименты.

– И правда, красивая, подтвердил Максим, поглядев на дочь внимательно. Я как – то на её красоту не обращал внимания. Дочь и дочь, ничего особенного, а дед увидел в ней породу былой красоты Анны – мужиков с ума сводила. Вот пенёк, нос к земле тянется, а он всё не утомонится. Узнает Иван, холку тебе начистит.

Конюх обиделся на «пенька», отвернулся, и больше не проронил ни слова.

Николай дёрнул за рукав Максима: – Ну, зачем ты так?

– Язык сам вылез, не хотел человека обидеть. Прости меня, Агафон!

Вместо ответа Агафон поторопил лошадь: – Н-но, пошла, – и помахал кнутом для острастки.

Доходяга давно трудится в колхозе, всего навидалась, усвоила, что тише ходишь, дальше будешь. Потому не сделала ни единой попытки ускорить шаг, лишь из вежливости мотнула хвостом в сторону, показав, что команду слышала.

Лошадь, ушедшая в лес «по грибы» с уголовными мужиками, назад не вернулась, видно в другом месте ей живётся лучше. Связь существовала и Николай воспользовался ею. Позвонил в райотдел милиции, сообщил о случившемся в надежде, что кого – нибудь пришлют провести расследование, и начать поиска – не дождался ни того, ни другого.

Секретаря сельсовета застали дома – кормила кур во дворе. От неё узнали, что председателя призвали в армию. Перед отправкой дела передал ей, теперь она полноправная хозяйка

сельсовета. Со слов Максима заполнила книгу записей актов гражданского состояния, приложила штампик.

С книгой учёта компания отправились в загс. Перед дверью загса Николай остановился и задал вопрос всем сразу:

– Мне – то, зачем с вами идти? Обойдётся без меня. Я пошёл в райком.

Инспектор стояла у окна, прислушиваясь к отдалённой канонаде. Женщина пожилая, привычку ходить на службу сохранила, не взирая на развал управления, и явно обрадовалась посетителям. Радость объяснила тем, что последнее время занимается выписыванием свидетельств о смерти. За свидетельствами о рождении не идут. Сама пояснила, почему не идут: – Время такое, женщинам не до родов.

Поля взяла в руки свидетельство о рождении, прочитала, и только сейчас до неё дошло, что родив сына в деревне, сделала его деревенским на всю его жизнь.

– Ты чего? – поинтересовался Максим, увидев расстроенную дочь. – Да, так! Костик – деревенский. – Ну и что? – не понял отец.

– Ничего, благодаря мне он стал крестьянином. Не хотела же ехать, Иван настоял.

Максим промолчал, поскольку ничего не понял. Полина разъяснять не стала, попросила отца: – Поедем к райкому.

Николая на месте не было, пришлось ждать. Подошёл он через полчаса. По тому, как с размаху шлёпнулся на телегу, стало понятно, что он не просто расстроен, а зол.

Дорогой равномерное покачивание успокоило его и он рассказал.

– Райком закрыт, на двери замок. Отправился пытаться счастье в райисполком. Входная дверь раскрыта, но в комнатах никого. Хотел отправляться к вам, только во дворе повстречал заведующего промышленным отделом, решившего заскочить в свой кабинет – понадобились ему кое – какие документы. Хотя завпромод очень торопился, нервно перебирая ногами, как застоявшаяся лошадь, всё – таки выслушал меня.

Зря к нему обратился. Он сам ничего не знает, указаний не дал, но на кое – какие мысли меня навёл.

Спросил я его, что делать с урожаем? Ответил, что обратился не по адресу. Он отвечает за промышленность. Готовит к вывозу оборудование с «Торфодобычи», «Лесопила» и МТС. Надеется, что распоряжение отменят, и вывозить не придётся – райцентр берут под защиту. Ожидается прибытие армейских подразделений для создания оборонительного рубежа фронтом к большаку.

– Получается – в нашу сторону? – уточнил Максим.

– Получается, так! – согласился Николай.

– Оборону будут строить возле Пещёрска, фронтом в нашу сторону, так? И сам ответил: – Так! Отсюда напрашивается вывод: деревню защищать не будут.

– Согласен, – подтвердил Николай, – не стратегический объект и расположен неудачно, не в нужном месте – в стороне от большака. Объект не представляет ценности, защищать не имеет смысла.

Пещёрск же вынуждены оборонять, чтобы не отдавать врагу железнодорожную станцию, стоящую на направлении движения поездов в сторону Калуги.

Калужское направление второстепенное, следовательно, защищать станцию большими силами не будут – это не Вязьма с мощным железнодорожным узлом. Дивизию, здесь не разместишь. В оборону если поставят, то максимум полк – обычный заслон.

Военная тема мало интересует Максима. Прибытие Поля с детьми, поставило передним проблему: чем её семью кормить? Продуктов, что они приготовили с Анной, на зиму не хватит, как не растягивай запасы. Надежда на председателя колхоза.

– Так как с урожаем поступим? – задал вопрос и тут же поправился, – что намерен делать?

– Как что? Последовать совету заведомо промышленности – ждать развития военных событий.

События не замедлили ждать. Со стороны большака показалась небольшая группа красноармейцев в мятых скатках, в ботинках с грязными обмотками, в испачканном, кое – где порванном и обожженном обмундировании. Возглавляет группу молоденький командир с гладеньким личиком, но уже потрёпанным боевой жизнью, как говорится, хлебнувшим лиха.

Офицер остановил подразделение на площади перед правлением колхоза и приказал: – Взвод, стой!

Хотя, скорее надо было ему скомандовать: – Всё, что осталось от взвода, стой! По прикicke со стороны в команде не более четырнадцать человек вместе с командиром.

Красноармейцы тупо выполнили команду – устали до такой степени, когда жизнь не в радость. Им сейчас прилечь бы где – нибудь на пару суток, и спать, спать до тех пор, пока ум не станет ясным и голова чугунная не превратится хотя бы в деревянную.

Население не спешит встречать гостей. Но, любопытство пересилило крестьянскую осторожность: показались дети, за ними робко выглянули за калитку пожилые бабы в застиранном домашнем платье, которым терять уже нечего – разведка, решившая проведать, что понадобится родной армии в их невеликой деревушке. В бабьем тылу появились старики, доживающие век. За ними подтянулись мужики во главе с председателем колхоза.

После команды: «Разойдись!» солдаты, заранее проинструктированные, разбрелись по деревне.

Низкорослый солдатик робко приблизился к калитке палисадника, не решаясь войти во двор. Стоящая на крыльце мать Поли, ласково спросила: – Тебе что – нибудь нужно, сынок? Говори, не стесняйся!

Паренек не глядя в глаза, смущенно попросил: – Тетенька, не дадите керосина? Не спросив, для каких целей керосин и сколько нужно, тетенька пообещала: – Сейчас, сынок, сейчас вынесу «карасин».

Русский человек не жадный. В сознание крепко вбито вековое правило: Проси, дадут. И дают.

Чтобы не унижать людей просьбами, по устоявшейся многовековой традиции в русской деревне, всегда один дом дежурил для приема бездомных, путников, скитальцев, коробейников. Сажали за стол вместе с семьёй, давали ночлег и всё необходимое к нему.

Традиция обогреть сырых и бездомных оборвалась после революции. Но на просьбу о помощи народ продолжает откликаться. Вынесла бабка бутылку, заткнутую тугой бумажной пробкой, скрученной из газеты. – Держи, сынок, не разбей! – и посочувствовала, – трудно вам сейчас? Небось, достаётся!

Спохватившись, поинтересовалась: – Бутылки – то, хватит?

Паренёк, не ответив, отвёл глаза в сторону.

Керосин в деревне в цене, к керосину относятся с уважением. Керосин – не обязательно свет и тепло, это ещё растопка и экстренное лекарство при простуде, ангине. «Сынок» взял бутылку трясушимися руками и поспешно присоединился к товарищам.

Офицер взмахом руки показал невеликому войску направление дальнейших действий. И словами подогнал: – Работы много, начинайте! И поторапливайтесь! Ещё в Велеево предстоит заскочить. А до него топать... Отстанем от части, посчитают дезертирами!

Действительно, если идти большаком, то набегит двенадцать километров. Лесом того больше. К тому же светит вариант заблудиться. Велеевский лес небольшой протяженности, но он не приспособлен для прогулок: моховые кочки, мочажины, поваленные деревья затрудняют и удлиняют путь.

Красноармейцы рассредоточились вдоль овина и амбара, расположенные обочью деревни, ввиду ближних полей.

– Давай! Трое с той стороны, четверо с этой, и ... Быстрее, – торопит офицер. Сам с несколькими солдатами остался на дороге, повернувшись лицом в сторону деревни.

Деревенские строят догадки.

– Слушай, Коль, может они хотят в конце деревни занять оборону, а? – с надеждой спросил Максим. – Ты чего, Максим, двумя отделениями, да еще позади деревни? Оборону занимают перед объектом, а не сзади. В царской армии служил, неужели военную науку забыл? – Так это... давно было!

– Тут что – то другое! Зачем – то керосин понадобился? Что они делают? Вот же, твари! – возмутился государственный человек, председатель колхоза «Заветы Ильича», Николай. Нашим керосином обливают постройки. Смотри, смотри, поджигают! Вот тебе и свои, мать их в косоворотку!

Стоят мужики, «чешут репу», раздумывая, как им поступить в подобной ситуации. Мимо них рванули бабы: – Что ж вы, ироды, делаете?

Офицер вытащил пистолет: – Не подходить, буду стрелять. Нам приказано уничтожить продукты, чтобы не достались врагу. Всем отойти.

Остановились бабы, смотрят, как поджигают овин и амбар с урожаем этого года, собранного их натруженными руками. Из – за начавшейся войны урожай не смогли сдать государству и распределить по трудодням.

Пламя радостно охватило старые сухие постройки, созданные для коллективного пользования поколениями отцов и мужей. «Кулаки» возводили на общественной земле объекты, стараясь строить на века. В коллективизацию Советы их реквизируют под нужды колхоза.

Бабы навзрыд заплакали, завывали: – Детки, что же вы делаете? Там же и наш хлебушек. Нам на трудодни еще не выдали, ждем команды. Как зимой без хлеба жить? У нас дети... Разрешите по мешку «пшеницы» взять; детей кормить хлебушком...

– Не положено, – отрубил строгий командир. Не смотря на неказистый вид и молодость, он убедил крестьян в святой правде, что им действительно, не положено! Устами не по годам зрелого военного глаголет истина: они простые производители. Потребители те, кто распоряжается их добром по своему усмотрению. Примолкли бабы.

Отдельной толпой стоят угрюмые мужики, не согласные с определением офицера. Чтобы поджигатели не слышали, вполголоса жутко матерятся, поминая святых и построение счастливого будущего. Не могут помешать поджогу, так душу матом отводят.

Парни в солдатской форме, стараются не смотреть в сторону деревенских жителей. Сами деревенские – знают, что значит хлеб для крестьян! Они выполняют приказ. За невыполнение приказа по закону военного времени положено максимальное наказание, такое, какое получил давным – давно известный философ Сократ за нарушение закона, подтвердив его суть: «Закон суков, но он закон» и принял яд. Солдатам яд не положен по Уставу, предложат им пулю.

Жгут, такие же обманутые строители коммунизма, воспитанные на идеологии: «Кто не с нами – те не наши; кто не с нами – против нас», перефразируя, Пер Гюнта Ибсена: «Сзади плачут дети наши – кто не с нами, те не наши. Сзади кличут жёны нас – кто не с нами, против нас!». С нами те, кто научился экспроприировать, расстреливать и... жечь.

Жгут солдаты; ждут: пусть сильнее разгорится пламя!

Разошелся пожар, заметался огонь в поисках очередной жертвы. Не выдержали жара расположенные вблизи дровяники. От них огонь перекинулся на крышу ближайшего жилого дома.

Зерно горит – беда. Собственное жильё горит – лихая беда. Лихая беда перебивает беду; большее перекрывает меньшее. Без зерна, трудно, но можно прожить, чем – то другим заменить; родственники, соседи придут на помощь.

Смотреть на пожар чужого строения не только интересно, но и любопытно. Зрелище пожара завораживает. Другое дело, когда горит твой дом, твой защитник, твоя крепость. И твое наследство; единственная ценность, оставляемая детям.

Хочется хоть что – то спасти, но теряешься в догадках, не знаешь, что нужнее и важнее. Не знаешь, за что хвататься, что первым спасать. Появляется чувство безысходности. И хочется в голос выть: – За что мне все это? Что за божье наказание свалилось на мою бедную голову? До каких пор паны будут драться, а чуб у меня трещать? Ну, «не виноватая я!» – кричала героиня послевоенного фильма.

Сделав солдатское дело, правое или не правое – неважно, важно, что выполнили приказ, армия ушла, забыв попрощаться с деревенскими товарищами.

Возводились дома на века, сухое дерево горит хорошо, бездымно, с треском и завыванием, от боли сжигаемого кислорода.

Остаться на зиму без жилья – страшно. Бросились вежневцы, не стовариваясь, спасать соседей. Вспомнили, как до большевистского переворота помогали друг другу, как спасали нажитое веками добро.

Чтобы пожар не распространился вдоль улицы, раскатали ближний дом. Свободное пространство отсекло деревню от горящих строений.

Боевую атаку собственных войск крестьяне отбили, ограничившись малыми потерями.

Хлеб горит тяжело, долго, смрадно, разнося вдоль улицы желтоватый едкий дым с неприятным запахом, напоминающим горение человеческой плоти. Проникает через закрытые двери и окна, пропитывает одежду, напоминая о трагедии.

Сокрушаются сельчане, ругают себя: – В каком месте забыли ум? Керосин отдали, считай, собственными руками уничтожили урожай зерновых и хозяйственные постройки! Поверили Красной армии, в обязанность которой входит защита населения от агрессора. Воистину говорят: «Если Бог хочет наказать человека, лишает его разума!».

Ругают председателя: «Почему Николай не раздал хлеб»? «Всё ждал команды сверху, дождался!» «Сам не дам, и другим не дам».

А красноармейцы? Разве не могли раздать хлеб, а строения сжечь! Война войной, а кушать людям чего – то надо?

«Рассказывает Федор Клочков.

– Когда французы вошли в деревню, он впустил к себе нескольких солдат, напоил водкой и брагой, а ночью, закрыв окна ставнями, а двери добрыми засовами, поджег избу», – Н. Задонский: Денис Давыдов.

Такой поджог с точки зрения морали понять можно: хозяин собственный дом поджигает. Своим имуществом человек вправе распоряжаться по личному усмотрению, но чтобы на уровне собственного государства творить такое!!! Зачем трогать мирян? Они потому и называются мирянами, что мирно живут, никому не причиняя вреда.

К слову сказать, благодаря мирянам воюющие стороны сыты, обуты и иногда пьяны.

В первую Империалистическую ни русские, ни австро – венгерские войска специально не жгли хутора и села подданных. Не старались оставить после себя выжженную землю. В цивилизованном веке воюют армии; население раздражать, унижать без нужды нет смысла. Жечь дома своих подданных, обездоливать людей, в один миг, сметая с поверхности земли труд многих поколений – страшная практика, в совершенстве усвоенная строителями нового общества. Правители совстраны, без тени сомнения считают: в политике участвуют все. Отвечают за политику, пусть и направленную против самого народа, все – народ в первую очередь.

На следующий день мужики, способные ходить и держать в руках топор, собрали раскатанный дом, построили сарай, вернули живность на место. Сгоревший дом восстанавливать не стали – нет леса. Погорельцы устроились у родственников. К ним отогнали спасённую скотину.

Всё чаще мимо Вежнева, в сторону Вязьмы и Гжатска летят самолёты с крестами на крыльях, вселяя ужас в сердца крестьян. Услышав отдаленное гудение моторов, семейства одевают детей и, сломя голову, покидают дома, спеша в окопы, надеясь на защиту земли – матушки.

Рыть окопы потребовали партийные и военные власти Пещёрского района после падения Минска – приучая жителей к самообороне.

Некоторые не хотели портить огороды канавами, не верили, что война приблизится к Вязьме, а вот же, пригодились.

Самолёты пролетели, народ выходит на улицу и, прислушиваясь к разрывам, комментирует:

Разрывы еле прослушиваются. «Сведущий» в военном деле человек, сообщает: – Бьют по солдатским казармам в Гармоново.

«Специалист» поправляет: – Бьют по железнодорожному мосту через реку Вязьму.

Разрывы близятся, стали слышнее, «Знаток» подсказывает: – Бомбят станцию и железнодорожный узел.

Два бомбардировщика, лениво кружатся над Пещёрском. Моторы, то затихая, то взывая, наигрывают мелодию войны. Зрелище завораживающее. Толпа с восхищением наблюдает за полётом стальных птиц – такого зрелища крестьяне ещё не видели. Не найдя ничего достойного, чтобы потешить своё тщеславие, лётчики сбросили бомбы рядом с населённым пунктом.

Разрывы, поднятая вверх земля, напугали любопытных.

– Они же бомбы кидают. Смотрите, как взрываются. А если бы по людям попали? Нельзя же так, убить могли бы! – схватилась за сердце одна из женщин.

На взрывы мелкой дрожью отозвалась земля. Жители, находившиеся в доме, услышали жалобный звон посуды в шкафах.

При очередном налёте, несколько бомб взлохматили колхозное поле с зеленеющими всходами озимой пшеницы и ржи. Несколько бомб взорвалось на лугу, одна упала в огороде сгоревшего дома. Никто не пострадал, но страху нагнали по самую маковку.

От налёта осталось неприятное чувство – словно бомбы целили именно в тебя.

Советские истребители не защищают воздух, зенитки красных армейцев не стреляют, и «белонемецкие» Хейнкели, Не 111, основные бомбардировщики Люфтваффе, обнаглев, резвятся, летая без сопровождения истребителей.

Окопы и ячейки армейского заслона отрыты на окраине райцентра. При бомбёжке, из – за рассеивания бомб, достаётся не заслону, а ближним ветхим домишкам и пустым огородам: урожай жители успели собрать, даже капусту в бочках заквасили до морозов.

Неизвестно что всех ждёт впереди, потому жители посчитали за лучшее не терять спокойное время и заранее сделать продуктовые запасы.

Отстав от райцентра, Хейнкели устроили проверку защитных средств Вежнево. Взрывы бомб рвут и раскидывают по сторонам вежневскую землю.

Услышав близкие разрывы, Полина жутко перепугалась. Бестолково засуетилась, не зная, что делать в подобной ситуации: сидеть дома, или бежать в окоп. От страха не соображая, ни о чём другом, не думая, лишь бы не находиться с детьми в закрытом пространстве, схватила в охапку Инну, взяла за руку Лилию, бросила Вале: – Быстрее на улицу. Попадёт в дом, пропадём. Валя, перепугавшись, вцепилась в подол матери.

Максим бежал спасать дочь. Увидев Полю с детьми, не дав ей слова сказать, подтолкнул: – Давай в окоп. Быстрее.

Спустив дочь с детьми в окоп, вернулся помочь жене и Зине. Увидев мужа, Анна обрадовалась. От избытка чувств, прижалась к нему, как к надёжному спасителю – бомбёжка не страшна, мужчина с ними, он знает, что делать, не даст погибнуть. И сказала ему слова, которые за давностью лет стала забывать: – Дорогой мой, ты с нами! Как я рада!

Поля, очутившись в укрытии, чтобы успокоиться самой, принялась за спасательные работы: посадила девочек в угол, накрыла их головы кофтой, сбоку прикрыла своим телом. Создала хоть слабую, но защиту от ударов кусками земли, обломками досок, сопровождающих близкие разрывы.

Приведя себя в чувство, спокойным голосом, чтобы не пугать девочек, попросила: – Не бойтесь девочки, это «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся. Зебегает в первый класс: – Гутен морген! Вас ист дас?». Мама с вами, мама в обиду не даст, гроза вскоре пройдёт.

Валя удивлённо смотрит на мать: – Ты на каком языке сейчас говорила? Я ничего не поняла.

– Милая ты моя, Валечка, это я со страху вспомнила детскую побасёнку с немецкими словами: «Гром гремит, земля трясётся. Поп на курице несётся. Забегает в первый класс: – «Доброе утро! Что такое?»».

Взрывы отделились в сторону райцентра, девочки перестали трястись, зашебуршились, намереваясь выбраться из – под кофты, мешавшей смотреть. Мать прервала их попытки предостережением: – Не вылезайте! Сидите тихо, я вам скажу, когда вылезать. Подождём ещё немного, убедимся, что грохот совсем прекратился, и отправимся домой.

Напою вас горячим чаем.... – С сахаром? С надеждой спросила Лиля. – С сахаром, – пообещала мама, и девочки затихли в ожидании блаженного момента. Поля, покидая дом, сына не стала собирать. Чтобы не терять время и сохранить хотя бы дочерей, оставила его в люльке, надеясь, что судьба к нему будет благосклонна.

Приготовилась вылезать из укрытия, но в очередной раз затряслись стенки окопа от близкого разрыва. Валя зашлась в крике, закатила глаза. Рот скривился, начала дёргаться щека правой стороны лица.

Лиля судорожно икает, уткнувшись в колени матери. Поля не на шутку перепугалась. Несмотря на животный страх, схвативший её саму тискаами, попыталась как – то успокоить дочерей, бормочет: – Всё будет хорошо, девочки, всё будет хорошо, детки, потерпите родные! Не бойтесь, – по очереди гладит детей по головке.

Инна и Лиля, охрипнув от рева, уцепились за мать с силой, не уступающей мужской, – ищут защиту. Поля терпит боль, стараясь не обращать на нее внимания. Её всё больше беспокоит лицо Вали с непреходящим нервным тиком; косо дергается правая сторона лица.

Лиля испугавшись, что ее засыплет землей, громко вскрикнула, когда земля попала на неё. Оторвавшись от матери, судорожно пытается избавиться от кусков.

Чтобы успокоиться самой, и защитить детей от свалившейся с неба напасти, обратилась к богу. Вспомнила Поля молитву, не раз произносимую матерью и выручавшую её в тяжелые революционные годы: продрозвёрстки, раскулачивания, создания колхоза: «Господи, помилуй. Господи прости. Помоги мне, боже, крест свой донести. Ты прошел с любовью свой тернистый путь, ты нёс крест безмолвно, надрывая грудь. Ты за нас молился, ты за нас скорбел и за нас распятый муки претерпел. Я великая грешница на земном пути. Я ропщу и плачу: – Господи, прости! Помоги мне, боже, щедрою рукой»...

Молитва помогла или бомбы закончились, но взрывы прекратились. «Надо идти к сыну», – решила Поля, но её опять задержало совсем близко раздались громкие выстрелы, словно стреляли над ухом.

Загрохотало, затрещало рядом с окопом, и Полина вновь подумала о сыне: «Долго находясь в одиночестве, от сильного грохота испугается. Необходимо срочно забирать его к себе, успокаивать». Обратилась к дочкам: – Девочки, дорогие мои! Костя долго находится один. Как он там? Вы посидите тут, не вылезайте, я сбегаю, посмотрю.

Рванулась наверх, пытаясь выбраться из окопа: – Я мигом, в дом и обратно. Возьму Костю... Но девчонки не дали. – Нееет, неееет, нет! – зашлись в крике, уцепившись за одежду матери. Повисли на ней, тянут на дно окопа... Малышка Инна горько плачет...

Старшие дочери наперебой кричат: – Мама, не ходи! Мама, не ходи! Не оставляй нас! Не пустим! Смирилась мать, решив положиться на божью волю. Опустилась, села рядом с детьми. Подумала: «Чему быть, того не миновать, на все твоя воля, Господи!» – произнесла вслух, и заплакала. Увидев маму плачущей, девочки присмирели, стали гладить маму, успокаивать.

Утихли выстрелы. Надо выходить, а у Поли силы кончились от пережитого. Подняла малышку на поверхность огорода, кое – как сама закинула ноги наверх, с трудом поднялась на колени.

В таком положении и застал её отец. – Как вы тут? – спросил и, не дождавшись ответа, помог дочери встать на ноги, детям выбраться из ямы.

Поля бросила взгляд на дом, ожидая худшего. Дом стоит невредимый. «Слава те, Господи», – перекрестилась, – «не зря молилась»!

Попросила: – Папа, присмотри за детьми, а я к сыну. Заскочив в дом, открыла дверь в Светёлку и увидела картину: сын лежит, широко открыв глаза. Посмотрел на мать, хотел улыбнуться, но вместо этого сморщил носик и чихнул.

– Будь здоров, сынок! Слава Богу, с тобой всё нормально, – произнесла Поля, перекрестив сына. – О, да ты мокрый! Сейчас поменяю пелёнку, покормлю...

Максим привёл девочек, и поразился мирной картине: дочь кормит грудью сына. Смотрит на него и довольно улыбается, будто не было бомбёжки и адского грохота.

Соседу, живущему с левой стороны от её участка, не повезло – прямым попаданием бомбы дом разнесло на куски и щепки; памятником войны осталась торчать полуразрушенная печная труба.

Осколки другой бомбы, упавшей в огород Васильевых, посекали северную стену Полиного дома. Да так удачно, что ни один осколок не попал в окно, под которым Поля установила качку с сыном. Максим осмотрел выщербленные брёвна, успокоил дочь: – Ничего страшного, не насквозь, обойдётся.

Родители, и их младшая дочь Зина, воздушный налет просидели в другом окопе, отрытым Максимом на огороде Тепловых. Думал он, что окоп пригодится сёстрам Ивана, если приедут из Москвы, а пригодился самому.

Первый серьёзный налет немецкой авиации не привел к жертвам. Больше, чем сама деревня, пострадали колхозные поля: бомбы понаделали на пахотной земле глубоких круглых ям с бровкой по краям. Несколько бомб упало на удалении от деревни, в лесу, повалив и повредив деревья. Досталось дороге, по которой Поля пришла в отчий дом.

Немецкие летчики без всякой необходимости бомбили деревню. Кидали бомбы для острастки, а может норму бомба – вылетов выполняли, вместо самолета – вылетов, как, например, в Советах выполняют план по тонно – километрам. Скорее же всего, как считает Николай, немцы совершали разведку боем, соединяя разведку с тренировкой молодых лётчиков.

Очередные налёты самолёты с крестами на крыльях стали совершать на райцентр. Жители Пещёрска прячутся, где могут, красноармейцам же запрещено покидать линию обороны. Из окопов пару раз выстрелили из винтовки. На этом сопротивление защитников прекратилось – стрелять из винтовок по самолётам, всё равно, что стрелять из рогаток по медведям.

Только – только жители деревни приучили себя стоически переносить стрессовое состояние, вызванное бомбёжкой, как наступила пугающая тишина. Воспользовавшись затишьем, дочь Зина отправилась к подруге и ровеснице Оле, сестре Тани.

Чтобы ни о чём стороннем не думать, чтобы в голову не лезли пугающие мысли, Анна занялась готовкой драников, любимой еды детей. Натёрла картофеля, добавила муки, два яйца и щепотку соды. Посолила, и на большой чугунной сковороде напекла большую миску картофельных блинов. Отправила Максима звать Полю в гости.

Поля с радостью согласилась. Она уже позабыла, когда в последний раз сама делала «тертуны», а тут готовое лакомство – как отказаться?

– Валя, Лиля, одевайтесь, идём к бабушке в гости, – обратилась Поля к дочерям, натягивая тёплую кофту на маленькую Инну. Гурьбой отправились в дом, в котором обосновались родители. Не доходя до дома, почуяли вкусный запах блинов, испечённых на топлёном сале.

По очереди обняв дочь и внучек, Анна поинтересовалась: – Поля, ты «чевой – то» Костю не взяла?

Валя и Лиля, обойдя бабушку, приблизились к столу, схватили из миски по дранику и, не садясь за стол, принялась жадно глотать блины.

Поля собралась было сделать им замечание, что без разрешения пристроились к столу, но увидев, как её мама, глядя на девочек, умильно улыбается, передумала.

На вопрос матери запоздало ответила: – Он так сладко спит, будить не захотела. Мы побудем у вас недолго, поедем драников и сразу домой.

– Тады, ладно, хотя время такое, что лучше ребенка одного не оставлять. Зайдёт в дом посторонний, обидит дитя, не боишься? – О чём ты толкуешь, конечно, побаиваюсь, но чужаков в деревне нет, надеюсь, обойдётся.

Сняли обувь, сели за общий стол в гостиной – раздались выстрелы со стороны райцентра. В ответ забухало от Смоленского большака.

– Странно, не слышно гула самолетов, что же так сильно ухает и взрывается? – побледнев, поинтересовалась Поля у отца.

– От райцентра пушка стреляет. Посмотрел в северное окно, – а от шоссе немецкие танки. – Глядите сюда, – освободил место женщинам, – в кустах видны танковые башни и дым от выстрелов пушек. Слышите рёв танковых двигателей? – обратился к женщинам Максим. И пояснил: – Бьют по обороне райцентра...

Близкий удар, сопровождаемый ужасным грохотом, прервал фразу Максима. Удар потряс дом. На столе подскочила посуда. Женщины испуганно отскочили от окна.

– Кому – то в дом попало, – предположил Максим. – И совсем близко. Не в наш ли?

Анна всполошилась: – Беги, Полюшка, беги, доченька! Беги к сыну: «Кабы, не случилось чаво!». Близёхонько стукнуло...

Стрельба прекратилась, и Поля в панике выскочила на улицу. Как говорится: – «Здорово у ворот Егорова, а у наших – то ворот всё идет наоборот». Вот уж в точку сказано. Не узнала Поля «собственного» дома. – «Батюшки – светы», – изумлённо всплеснула руками.

С восточной стороны из середины стены выломаны три бревна. Выбило так, что один конец валяется на земле, а другой держится в зарубке венцов. Боится Поля войти в дом, ожидая худшего. Смотрит на примчавшегося вслед за ней папу, ожидая, чтобы он первым вошёл. Папа отвернулся от её взгляда, давая возможность ей первой переступить порог.

Стоит Поля, телом окаменев, ногами ватными. В голове мелькнуло: «Зачем ребёнка оставила, Иван убьёт».

Стоять, тупо смотря на входную дверь, не имеет смысла. Перекрестившись, медленно переступая ватными ногами, вошла и ужаснулась увиденному бедламу. На полу валяются: доски, щепки, куски материи, обрывки бумаги, кирпичи, – словно Мамай прошёл. От входных дверей видна часть обстановки Светелки, уже не заслоняемая переборкой: пол завален битым кирпичом вперемешку со стеклом, кирпичная красная пыль «украшает» покрывала на кроватях.

На подгибающихся ногах, заглянула Поля в Светелку, со страхом приблизилась к люльке и заплакала от счастья. Костя, ее мальчик – кровиночка, увидев мать, раскрыл беззубый рот в улыбке. Поля чего угодно ожидала, только не этого: марля, закрывающая качку, упала вниз под тяжестью битого стекла, не сделав на Косте ни единой царапины, не причинив вреда.

Глядя на плачущую дочь, медленно приблизился отец, со страхом заглянул в качку и облегчённо вздохнул, обнял дочь. И тоже заплакал.

Ввалилась запыхавшаяся мать с девочками и ближайшими соседями. Увидев, в слезах отца и дочь, остановились в отдалении, не решаясь приблизиться. С горестно склонёнными головами стояли до тех пор, пока Поля не повернулась в их сторону и, улыбнувшись, не успокоила: – Всё в порядке. Не стойте столбом, начинайте помогать!

Принялись за освобождение Костика, аккуратно снимая осколки и восхищенно приговаривая: – Ну, счастливичик, ну и везунчик! Лежит, улыбается, как ни в чём не бывало: у – тю – тю – ту – ту – ту!

Освободив ребёнка из стеклянного плена, шустро принялись за приведение комнат в состояние, пригодное для жилья. Вынесли на улицу обломки досок, обрывки бумаги, битый кирпич.

– Как же тебе, Поля, повезло, – погладил Максим дочь по спине, – снаряд попал в окно, вышиб раму, разворотил угол печки и переборку, выломал брёвна из стены, прошёл по косой от окна... и не взорвался. На войне подобный случай может быть один на тысячу. Вот он и выпал Косте. Все будет хорошо у вас. Поставь свечечку перед образами. А насчёт ремонта, доченька не беспокойся. Приведу дом в порядок. Много сил не потребуется: вдвоём с Николаем поставим брёвна на место. Николай мне не откажет.

Поля послушалась отца и зажгла две свечи перед иконкой Божьей матери в серебряном окладе, не пострадавшей от снаряда, даже не упавшей от удара в печь и брёвна.

Забрав сына и дочерей, отправилась жить к родителям.

Два дня ушло на исправление разрушений – помогли Николай и соседи. К Николаю идти с просьбой не пришлось, сам предложил помощь. Брёвна подняли, рычагами и топорами поставили на место. Изнутри обклеили сохранившимися газетами. Исправили печь и восстановили перегородку.

Один из танковых снарядов повредил трансформатор в Пещерке, от которого тянутся электрические провода в Вежнево – деревня погрузилась в темноту. Вернувшись в «свой» дом, Поля нашла в прихожей керосиновую лампу, заправила керосином. Городской житель, она отвыкла от слабого освещения, но это всё же лучше, чем сидеть в темноте.

Фронтной гул западнее Вязьмы перешёл в сплошной грозный грохот, не умолкающий ни днём, ни ночью. Сведущие люди сообщили, что бои идут недалеко, в Ржевско – Вяземском лесу.

Деревня, как мышь под мешком с крупой, затаилась в ожидании не прошеных гостей, которые хуже татарина, даже самого злого. Что дальше произойдёт, чего ожидать? В том, что враг появится, ни у кого не осталось сомнений. Пещёрские и вяземские начальники, которые до войны без приглашения навевывались в деревню, что – то проверяли, чего – то вынюхивали, не без умысла ругали и увозили людей в райцентр, собрания никчемные проводили, указания давали – пропали без следа, оставив сельчан без надзора, бросив на произвол судьбы и божьего проведения. Из начальства один Николай вместе со всеми пятый месяц несёт крест ожидания крутых перемен в жизни колхозников. Никому помочь не может, но присутствие его успокаивает – какой – никакой, а руководитель: свой, деревенский, к тому же партийный.

Никто не командует Николаем, и Николай не принимает решений, не распоряжается людьми. Какие могут быть распоряжения, когда осталось ждать всего ничего. Придут немцы, найдётся человек, сообщит, кому следует, что он член партии – пощады не будет. Вернутся «товарищи», узнают, что остался служить врагу, накажут за пособничество. Как не крути, а ни те, ни другие к людям жалости, не имея, отыграются на Николае.

Самое лучшее, что в такое неопределённое время можно придумать, это ничего не делать и надеяться, что «Бог не выдаст, свинья не съест», положиться всецело на русское правило – авось пронесёт и победа будут за нами, поскольку наше дело правое.

Крестьяне бояться отлучаться из деревни, дальше околицы не ходят – не те времена настали, чтобы даже на короткое время покидать место обитания. Но каким – то непонятным образом слухи просачиваются и люди в курсе происходящих событиях за пределами деревни. На слух определяют марку пролетающих немецких самолётов. Безошибочно отличают Хейнкель 111 от Юнкерса 86 – высотного среднего бомбардировщика.

Окопавшийся в Пещёрске батальон Красной армии ждёт наступления немцев со стороны Вежнево, поскольку первые танковые выстрелы раздались от большака.

Первая атака немцев с севера благополучно отбита – достаточно было сделать несколько выстрелов из пушки – сорокапятки вдоль дороги Пещёрск – Вежнево. Попав в танк, не подбили его, но врага напугали и заставили отступить. Красноармейцы зря радовались лёгкой победе, вселившей надежду в их сердца на благополучный исход последующих боёв. Немецкие танки появились возле райцентра не с севера, а с юга, откуда их не ждали. Враг пришёл по лесной дороге со стороны Юхнова, на которой не выставили даже банального поста слежения.

Спаслись немногие: побросав оружие, убежавшие в лес. Остальные сдались, здраво рассудив, что «против лома нет приёма, если нет другого лома». Оставив в райцентре тыловое подразделение, войска танковой Группы армий Центр продолжили движение на Вязьму.

Пещёрск – относительно небольшой населенный пункт, но для вежневцев он значит больше, чем Вязьма. Посёлок и деревня имеют давние дружеские, родственные, торговые и деловые связи. Деревенский люд посещал посёлок ежедневно: отоваривался в магазинах продуктами и промтоварами, навещал друзей и родственников, ходил по делам в сельхозконтору, райком, райсовет, загс.

Основные продукты, а также товары первой необходимости в райцентре имелись. Чего не могли приобрести в Пещёрске, доставали в Вязьме или в Москве. Для выезда из райцентра чаще пользовались поездом, чем автобусом.

Чтобы сесть на автобус, необходимо до остановки на Смоленском большаке добраться пешком или на подводе, на поезд же садятся на станции в самом райцентре, что удобно.

Бомбёжка и пережитый от неё ужас, смягчили обиду деревенских жителей на Красную армию, пытавшуюся сжечь деревню, народ уже готов её простить. В разговорах проскальзывает сожаление, что красноармейцы не смогли отстоять райцентр, не задержали немцев, отдали Пещёрск без боя. С другой стороны, рады, что жители райцентра не пострадали. Родственники, посетившие деревню, поделились новостью – немцы появились, обойдя с юга – запада вежневские поля по лесной дороге, которую не каждый местный знает. Пользовались ею, в основном, грибники и ягодники. Не зря над районом целыми днями висела «рама». Досконально изучив местность, немцы не стали тратить людские силы и ресурсы на удары в лоб, воспользовались лесной, мало наезженной незащищённой дорогой.

На постой устроились основательно. Районные здания: райисполком, райком, райсуд, райотдел милиции заняла военная администрация оккупационных войск. Районную больницу отвели под военный госпиталь. В райкоме открыли управу. Школу занимать не стали, пообещав открыть учебное заведение после наведения порядка.

Крепкие на вид дома освободили от жителей, но не выбросили их на улицу, а переселили в другое жильё, уплотнив. Ведут себя по отношению к местному населению относительно вежливо – не обращают на них внимания. Мародёрства и насилия пока нет, но развитие событий население ожидает с опаской. На ночь запирают двери.

Гражданское делопроизводство возложила на себя управа из местных жителей – повылезали тёмные личности, предложившие услуги. Вновь кто был никем, стал всем. Немцы в местные дела не вмешиваются.

На столбах и домах расклеены объявления. Комендант райцентра приказал всем коммунистам прийти в комендатуру и стать на добровольный учёт. Не ставшие на учёт будут подвергнуты мерам административного наказания.

Объявлен набор добровольцев на службу в отряды охраны правопорядка, а проще, в полицаи. Набирают мужчин от шестнадцати лет без ограничения. Вооружают старыми русскими винтовками и повязками с надписью «полицай». Обещают платить

Танки вошли в Вязьму без боя. Отдохнув и заправившись в городе, ударная группа танковых и механизированных дивизий двинулись на Гжатск. Понадобилось всего несколько часов,

чтобы прорвать оборону советской армии, стоящую заслоном в районе Гжатска. На следующий день сходу прошли оборону следующей советской армии, пытавшейся преградить путь немецкому катку в Можайске.

На востоке наступило затишье, а на западе продолжаются бои. По большаку мимо деревни пошли нескончаемые колонны пленных красноармейцев. Вид у солдат ужасный. Грязные, в оборванном обмундировании, многие без ремней и пилюток. Большинство ранено. Некоторые идут сами, других поддерживают. Идут, с трудом переставляя ноги, понурившись.

Всего полгода назад ходили они бравым строем по плацу, на полигонах азартно кололи штыками соломенное чучело, отрабатывая психическую атаку на воображаемого врага. Проведя учебную отработку удара, под назидание командира взвода, напоминавшего слова Александра Суворова, что «Пуля дура – штык молодец», шли принимать «рубон» с энтузиазмом исполняя «Советский военный марш», написанный Лебедевым – Кумачом и переложенный на музыку братьями Покрасс: /Если завтра война,/ /Если враг нападёт,/ /Если тёмная сила нагрянет,/ /Как один человек,/ /Весь советский народ/ /За советскую Родину встанет/... /В целом мире нигде/ /Нет силы такой,/ /Чтобы нашу страну сокрушила./ /С нами Сталин родной,/ /И железной рукой/ /Нас к победе ведёт Ворошилов./

Как же так получилось, что «Непобедимая и легендарная, познавшая радость побед» многомиллионная армия, вооружённая революционными идеями построения коммунизма, разбита, и красноармейцев, как рабов позорных, под дулами винтовок, гонят в плен?

Не сговариваясь, хозяйки собрали продукты, пришли к шоссе и принялись раздавать узелки с хлебом, варёным картофелем, бутылками молока. В первую очередь старались обеспечить едой раненых. Если солдаты несли раненого, клали еду на носилки, чтобы и носильщики и раненый могли подкрепиться. Несут, в основном, раненых в форме с кубарями.

Отпали последние сомнения в скором прибытии немцев в Вежево. Пока их нет, воспользовавшись моментом, Поля уговорила отца сходить к Николаю.

Николай живёт один – хозяйственные дела приучили его без нужды ни с кем не делиться своими заботами. Грустно пьёт чай. Его сын офицер, воюет на фронте. Сведений о нём нет. Дочь замужем, живёт в Киеве, два месяца как перестала писать. Максима и Николая общие проблемы с детьми ещё более сблизили. Младший сын Максима Василий воюет, известий от него нет. Как нет ни слуху, ни духу и от старшего сына Паши, работающего на оборонном заводе в Куйбышеве.

Поговорили о детях, их нелёгкой военной судьбе. – Да не крути ты, Максим, не ходи вокруг да около, говори, что надо, – не выдержал тяжёлого разговора Николай.

– Дочка послала, – почему – то смутился Максим. – У неё четверо детей, кормить чем – то надо, а у меня на них запасы не приготовлены. Не поможешь картошкой. На первое время – мешочек. – Чего мало просишь, мне не жалко, бери хоть всю, пока безвластие. Немцы придут, скажут, что это их урожай. Сам бери и народу передай, особенно тем, кто бедно живёт, у кого нет запасов, чтобы подсуетились. И не только картошку, но и морковь, свёклу... Дед Романов по старости в колхозе не работал, картошки со своего огорода на зиму ему не хватит, лично помощи. Линя с дочкой без кормильца живут...

Возьми колхозную лошадь, развези по дворам... Хотелось бы мне помочь тебе, но я светиться не хочу – мало ли как оно повернётся в дальнейшем. – А ты, как? Тебе привезти? – От пары мешков, не откажусь, на зиму запасы не делал, надеялся на волю военкомата. Считал себя ещё не старым, приготовился идти воевать, а оно вон как получилось, забыли про меня. Но сейчас речь не об этом. Ты мне завези с десятков мешков овса. Возьми из старых запасов в сарае – стоянки лошадей. Если немцы не позарятся на «старушку» и оставят её мне, лошадка пригодится. Закончишь работу, поставь её в мой сарай... Всё ж будет под приглядом.

Максим вышел от Николая, и тут до него дошло, почему попросив картошки, смутился: Поля не работала в колхозе и общественный картофель ей на трудодни не положен.

Взяв, в помощники двух взрослых мальчишек, Максим сделал несколько ходок. Отвёз четыре мешка картошки и по мешку свёклы и моркови Поле, по три мешка картофеля Николаю и деду Романову, два мешка Лине Даниловой. Закинул морковь и свёклу.

Линя не ожидала подобного подарка и не знала, чем и как отблагодарить Максима. Предложила: – Не выпьешь, Максим, стаканчик. У меня припрятан самогон.... Брать самогон у нищей семьи, которая еле – еле концы с концами сводит, Максим не решился и соврал: – Ты же знаешь, как моя баба к выпивке относится.... Станет пилить....

– Ну, поешь хоть «яешницы», мигом на шкварках сготовлю. Печь топится. Пяток яиц выдюжишь? – Пяток выдюжу, но не больше, – не стал Максим провередничать. – Тогда «сидай» за стол, я мигом.

Молва быстро разнесла по деревне новость: «Николай разрешил брать колхозный картофель и другие овощи».

Слово «разрешил» – магическое слово. Услышав его, перестают значить другие слова, ограничивающие широкое толкование разрешения: откуда брать, что брать, сколько брать...

Самые нетерпеливые, не дожидаясь транспорта, по двое, по трое ломанулись в овощехранилище и потащили на себе мешки с овощами, сколько было по силам. Сделав несколько ходок, забили чуланы. Остановились, когда Николай лично закрыл ворота на замок и резко потребовал: – Хватит!

Занятия в школе отменены, и подростки не знают, куда деть освободившееся время, не знают, чем заняться. Энергия молодости и привычка жить в коллективе сбивает в стаю. Не сговариваясь, потянулись к дому Полины, не возражавшей против их присутствия. Расселись на лавках поближе к печке. Хозяйка обнесла молодёжь семечками, и они принялись лузгать, сосредоточенно сплёвывая лузгу на бумажку, чтобы не сорить на пол.

Подтянулись взрослые. Разговор вертится вокруг основных тем: немцы, колхозы, вера. Единодушно сошлись в одном: – Немцы, цивилизованные люди и не коммунисты. В Германии колхозов нет, придя в деревню, колхозы отменят, и народ заживёт прежней жизнью с частной собственностью. Само собой, разрешат верование. Жить станет легче. Хотя нутром понимают – чужой хрен своего хрена не слаще!

Николай в разговор не вступает. Тяжелую думу думает председатель колхоза. По партийной дисциплине, против своей воли, стал председателем. Придут немцы, что им про него скажут колхозники? Что с ним сделают немцы? Команды уезжать не было, а самовольно оставлять колхозников сам не захотел.

Отдалённая стрельба с западной стороны, усилилась до такой степени, что превратилась в сплошной гул. Война идёт не возле её дома, но Полина всё – таки подошла к окну. Постояла, ничего не увидела интересного и вернулась к плите.

Стукнула входная дверь. – Ты как себя чувствуешь? – войдя в комнату, спросила Тася. Вместо ответа Поля пробормотала: – Всё грохочет, всё грохочет, всё гудит, – с ожесточением помешивая картофельное пюре в кастрюле. – Отец сказал, немцы хозяйничают уже в Можайске.

– Это не новость, об этом все знают. – Что же тогда продолжает так сильно грохотать? – Чтобы дети не слышали, тяжело вздохнув, Тася прошептала: – По секрету мне сообщили: немцы добивают в лесном массиве окружённые советские войска перед Вязьмой. Называют цифру в восемьсот тысяч.

– Сколько? – переспросила Поля, от изумления перестав помешивать варево в стоящей на горячей плите кастрюле. Варёво пролилось на плиту, запахло палёным.

– Восемьсот тысяч, а может и больше, точно не знает никто. – Ох – хо – хо, как много, – горестно покачала головой Поля, и сказала утвердительно: – Значит и мой младший Вася там. Стараясь сдержать слёзы, сморкнулась в фартук, вытерла потное лицо, покрасневшее от близости к горячей плите. Посмотрела на плиту, затем в кастрюлю, увидела лопающи-

еся пузыри в пюре, сняла приготовленную еду и стала яростно отдирать от плиты горелые ошметки.

Старики, не выдержав напряженного ожидания новых событий, собрались за оградой, откуда в просвет между кустами просматривается тракт. Молчат, лишь глаза их энергично живут, провожая проходящие по смоленскому большаку колонны танков, колёсного транспорта, пехоты..., пленных. Шум движения многочисленных колонн ночью не стихает.

4. Перед отправкой на войну

Валентин одногодок Ивану. В воинской части, дислоцированной под Борисовом, в преддверии финской войны, задержали демобилизацию, и им пришлось служить лишний год, ожидая отправки на войну, что ещё больше укрепило их армейскую дружбу. На «зимней войне» обошлись без них, и их демобилизовали в родную Вязьму.

В отличие от Ивана, у которого скоро будет четвёртый ребёнок, в свои двадцать девять лет Валентин не женат, чем гордится: – Свобода, брат, свобода, – хвастается Ивану независимостью. Используя статус холостяка, перебрал многих вяземских невест. Выбор затянулся, и в силу возраста пришлось ему перейти на другую возрастную категорию женщин, называемых перестарками.

Валентин, как и Иван, работает в депо и тоже имеет бронь. В связи с тем, что немцы приблизились, и уже отчётливо слышны звуки боевых действий, рабочие депо, не смотря на бронь, получили повестки явиться с «тревожными сидорами» на сборный пункт военкомата.

Ивану захотелось выпить, но поскольку в одиночку пьют исключительно алкоголики, а себя он таковым не считает, не поленился сходить к другу и лично пригласить его на поддавон.

Валентин сидел за столом, уминая картошку с мясом. Мать его стояла рядом с кухонным полотенцем в руках, готовая в любой момент выполнить просьбу любимого чада. Когда Иван вошёл, она спрашивала: – Валечка, не хочешь горчички? Или хренку – сама приготовила. На масле подсолнечном.

Валентин сыто отнекивается: – Ничего не хочу. Доем, чайку выпью....

Увидев Ивана, вошедшего без стука, пригласил за стол: – Вовремя пришёл, садись рубать! Купил на рынке мяса. Решил перед уходом на фронт поесть по – человечески.

– И я о том же! Пойдем, Валентин, ко мне, бухнем по стаканчику. Перед походом в военкомат, а значит, отправкой на фронт, посидим, выпьем – может в последний раз. Жены и детей дома нет – отправил в деревню, так что мешать некому.

Валентин похлопал мамусю по плечу: – Мы, муська – муська, недолго. Посижу, выпью, и сразу вернусь, жди! Со стола не убирай, доем!

Иван, приведя друга в свой дом, остановился возле русской печки и обратился к Валентину: – Где – то у Поли есть заначка. Прячет её от меня так, что иногда сама не может найти. С собой бутылки она, точно, не брала, так что помоги, Валя, найти. Заначку следует искать или в шкафу, или в закуске за печкой, в каких –нибудь валенках или сапогах.

Прощупали сапоги – нет. Валенки, чтобы не морщились от тепла, жена набила кусками газеты с вырезанными, от греха подальше, портретами товарища Сталина. В газетах и нашли то, что искали: две бутылки вина и бутылку спирта – настоящий магазин. Русскую печь Иван недавно протопил и бутылки нагрелись.

– О! Не, ничего себе хреновина, – радостно выругался Валентин. – Не успел всерьёз помочь тебе, как весёлые подруги жизни ласково глядят на меня. Вань, не знаешь, чего это меня на красноречие потянуло?

– Чем трепать языком, займись лучше стаканами: помой, поставь на стол, а я пока сварганю закуску, – скомандовал Иван, как старший по возрасту, – старше Валентина на два месяца, – да и по воинскому званию на один чин.

Иван занялся приготовлением салата из кислой капусты, чтобы подать её к столу. Валентин, держа в руках стаканы, наблюдает за тем, как Иван суетится: принёс из сеней капусту, поставил на стол, добавил в миску кипячёной воды, плеснул уксуса, принялся за чистку лука, чтобы заправить капусту.... Валентин поинтересовался: – Скажи, Вань, ты, в отсутствии жены, еду готовишь?

– Ещё чего. У меня другая концепция в жизни. Мне баба готовит. Моя обязанность деньги зарабатывать. Сейчас её нет....

– Тогда, подожди чуток, сбегаю домой, К твоей выпивке, нужна хорошая закуска, иначе захмелеем. Моя мамуся решила напоследок дитя побаловать, не поленилась, приготовила мяса с картошкой. Наготовила много, останется одна, всё не съест – пропадёт, а нам пригодится. Если посчитаешь необходимым, то могу бутылку прихватить – у меня тоже имеется захаронка. Как, не против?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.